

Смп. 84 8/10 21

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

Александрова

Баронъ Дю-Поме.

43
826

О П Ы Т Ы
Ж И В О Т Н А Г О М А Г Н Е Т И З М А

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ПАРОВАЯ СКОРОПЕЧАТНИ
Г. П. ПОЖАРОВА.
Загородный просп. д. 3.
1900.

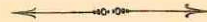
Баронъ Дю-Поте.

0 43
826. С1

sp 801-83
15232-0

ОПЫТЫ
ЖИВОТНАГО МАГНЕТИЗМА.

Переводъ съ французскаго.

Печатн

лн

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ПАРОВАЯ СКОРОПЕЧАТНЯ
Г. П. ПОЖАРОВА.
Загородный пр. 8.
1900.

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 31 Января 1900 г.

Ф-30138-40

Въ 1778 г. въ Парижѣ появился вѣнскій докторъ Антуанъ Месмеръ, лечившій больныхъ съ помощью открытаго имъ «животнаго магнетизма». Главными положеніями изъ девятнадцати опубликованныхъ имъ тезисовъ новаго ученія были слѣдующія:

Организму человѣка присуща особая сила, которая подъ влияніемъ воли можетъ излучаться изъ него.

Эта сила, подчиняясь волевымъ импульсамъ, можетъ быть примѣнена къ леченію болѣзней. Путемъ подобнаго леченія достигается излеченіе самыхъ упорныхъ недуговъ. Это Месмеръ доказалъ на дѣлѣ.

Строго говоря, Месмеръ не былъ авторомъ этихъ положеній; гораздо вѣроятнѣе, что онъ только взялъ на себя практическое примѣненіе ихъ. Всущности, они были высказаны задолго до него Парацельсомъ, Фациномъ (1460), Помпонакомъ (конецъ XV в.) Жильбертомъ Демажетомъ, Румиліусомъ, Фарамондомъ, Бетрѣ, Дигби, Максуелемъ, Ванъ-Гельмонтомъ и др. Знаменитый Декартъ допускалъ существованіе въ человѣческомъ тѣлѣ подобной силы. И на практикѣ Месмеръ имѣлъ предшественниковъ въ лицѣ Гасснера и отчасти Гелля, примѣнявшаго магнетотерапію; послѣднему Месмеръ подражалъ одно время.

Парижская Академія, вслѣдъ за вѣнской, заявила, что наукѣ нечего дѣлать съ открытіемъ Месмера. Нельзя не замѣтить, что театральная обстановка его леченія отчасти оправдывала нежеланіе ученыхъ познакомиться поближе съ сущію дѣла. Тѣмъ не менѣе, успѣхъ леченія Месмера вызвалъ такой шумъ, что правительство предписало Ака-

деми назначить комиссію для изслѣдованія явленій «животнаго магнетизма». Комиссія (Лавуазье, Байлли, Франклинъ и др.) заявила въ своемъ отчетѣ, что ею не усмотрѣно никакого магнетическаго агента, и что тѣ аномальныя явленія, которыя наблюдались ею подъ именемъ «животнаго магнетизма», должны быть отнесены на счетъ воображенія субъектовъ. Это было въ 1784 г.

Въ 1815 г. умеръ Месмеръ, непризнанный академіями, но оставившій поборниковъ своего ученія. Они продолжали его дѣло. Его ученикъ маркизъ Арманъ Пуисегиюръ открылъ искусственный сомнамбулизмъ. Въ 1819 г. съ пропагандой ученія Месмера выступилъ французскій врачъ Александръ Бертранъ. Въ это же время въ Парижѣ началъ дѣйствовать и Дю-Поте (1820).

Въ 1831 г. парижская Академія вновь была принуждена назначить комиссію, на этотъ разъ для изслѣдованія явленій искусственнаго сомнамбулизма. Комиссія признала реальность ихъ и утверждала даже существованіе ясновидѣнія. Ея отчету не былъ данъ ходъ.

Въ 1837 г. была назначена новая комиссія. Ея заключенія свелись къ полному отрицанію реальности искусственнаго сомнамбулизма. Но къ этому времени на сцену выступаетъ гипнотизмъ манчестерскаго врача Джемса Брэда, давшаго вопросу другое направленіе.

Бредъ показалъ, что значительная часть явленій, описанныхъ послѣдователями Месмера («магнетизерами»), дѣйствительно существуетъ, но отрицалъ необходимость специальной силы для вызова ихъ. Онъ замѣнилъ ее фиксащей зрѣнія и получилъ эффекты, очень похожіе на открытые и изученные «магнетизерами».

Въ концѣ 70-хъ годовъ вниманіе ученыхъ обратили на себя публичные опыты гипнотизма Ганзена. Интересъ къ этой спорной области знанія снова ожилъ: Гайденгайнъ, Шарко, Шарль Рише и др. изслѣдуютъ, констатируютъ и

пытаются объяснить загадочныя явленія. Ихъ работы вызываютъ изслѣдованія Льебо, Дельбефа, Лежуа, Бернгейма, Бони, Жане, Бине, Ферре, Крафтъ-Эбинга, Вундта, Охоровича, Роша, Фокашона и многихъ другихъ. Искусственный сомнамбулизмъ получилъ научное признаніе. Но вопросъ о «животномъ магнетизмѣ», т. е. о существованіи въ организмѣ челоуѣка особой «психической» силы и ея вліянія на посторонніе организмы, остался по прежнему нерѣшеннымъ окончательно. Попытки свести все къ гипнозу не увѣнчались успѣхомъ. Уже самъ Бредъ былъ принужденъ признать, что область «брэдизма» (гипноза) не охватываетъ всѣхъ явленій «животнаго магнетизма» (месмеризма). При болѣе обстоятельномъ изученіи вопроса различіе между ними начало выступать все яснѣе, такъ что на конгрессѣ физиологической психологіи въ Парижѣ въ 1889 г. Ш. Рише предложилъ этотъ вопросъ на обсужденіе конгресса. Конгрессъ призналъ эту разницу. Онъ различилъ результаты вліянія воли экспериментатора на организмъ субъекта (месмеризмъ) отъ явленій, вызванныхъ «посредствомъ возбужденія физическими дѣйствіями». Такимъ образомъ, теорія психической силы продолжаетъ имѣть своихъ защитниковъ, считая среди наиболѣе видныхъ изъ нихъ такихъ талантливыхъ изслѣдователей, какъ Ш. Рише, Альбертъ Роша, Барадюкъ, Беррети, Охоровичъ и пришедшихъ къ той же теоріи помимо явленій месмеризма (путемъ изученія мѣдико-мическихъ явленій) В. Крукса, Ломброзо, К. Фламаріона, Оливера Лоджа и др.

Дю-Поте былъ глубоко убѣжденнымъ приверженцемъ и апостоломъ месмеризма. Онъ описываетъ открытыя имъ явленія, вызываемыя воздѣйствіемъ психической силы на организмъ субъекта, и утверждаетъ, что совокупность этихъ явленій составляетъ то, что въ древности называлось магіей. Это неполнѣе точно, но онъ правъ въ томъ смыслѣ, что въ область магіи должны были входить открытые имъ фено-

мены. Необходимо замѣтить, что чтеніе Дю-Поте требуетъ обстоятельнаго, хотя-бы теоретическаго, знакомства съ явленіями искусственнаго сомнамбулизма.

Дю-Поте не былъ мастеромъ писать; онъ и самъ сознается въ этомъ. «Не обращайтесь вниманія, говоритъ онъ, на стиль этой книги, на невѣжество терминовъ; берите то, что принадлежитъ самой природѣ».

ОПЕРАЦІИ.

I.

Предварительныя замѣчанія.

Отнынѣ мы уклоняемся отъ пути, проложеннаго Месмеромъ и Пюисегюромъ. Мы оставляемъ въ сторонѣ Делеза и всю его школу. Оставимъ медицинскую систему, основанную на свойствахъ магнетическаго агента. Теперь для насъ сомнамбулизмъ — не болѣе, какъ частный случай. Мы не отрицаемъ ни одного изъ открытыхъ феноменовъ, но относимъ всѣхъ ихъ къ одному простому и чисто физическому разряду. Этотъ разрядъ явленій не подлежитъ болѣе сомнѣнію, но для заполнения его остается открытъ еще безгранично многое; это будетъ дѣломъ времени и наблюденія.

Нужно совершенствовать возникающее искусство и установить основанія разумнаго приложенія его; такова должна быть цѣль магнетизеровъ и мы сами непрерывно работаемъ надъ этимъ. Но долгъ не менѣе настоятельный — зондировать природу, искать, нѣтъ-ли, кромѣ уже хорошо извѣстныхъ свойствъ магнетическаго агента, еще другихъ, болѣе таинственныхъ, болѣе важныхъ для познанія въ этическомъ отношеніи, болѣе способныхъ, слѣдовательно, открыть намъ божественныя способности души человѣка. Для этого нужно изолироваться отъ міра магнетизма, имѣющаго глаза, которые не видятъ, и все время вращающагося въ одномъ и томъ же кругу, не производя ничего новаго.

То, о чемъ сейчасъ будетъ рѣчь, напомнитъ вамъ мои первыя работы, посвятить васъ въ феномены, заставившіе меня постигнуть существованіе того, что древніе называли магіей, и давшіе мнѣ возможность воспроизвести дѣла ея. Слѣдуйте же за мной шагъ за шагомъ, если хотите научиться чему нибудь; будьте внимательны, если хотите уловить самый принципъ операций, потому что правила вызова ихъ еще далеко не полны.

Я переписываю опыты, уже опубликованные въ «Journal du Magnétisme» ¹⁾ съ ихъ коментаріями, слѣдую хронологическому порядку открытій. Секретная часть, еще не бывшая опубликованной, будетъ дана далѣе; она составитъ собой дополненіе этой, но хорошо понятой можетъ быть только при проникновеніи первыми принципами, руководившими мною. Я ничего не измѣняю изъ того, что было написано въ то самое время, когда я оперировалъ. Тогда я не подозрѣвалъ всего величія открытій, чрезмѣрнаго богатства завоеванной страны; я былъ подобенъ ребенку, который держитъ въ рукахъ драгоценные камни и удивляется только ихъ прекраснымъ цвѣтамъ. Мнѣ понадобилось часто производить эти чудесныя явленія и въ громадномъ разнообразіи формъ, чтобы постигнуть ихъ настоящую причину; наконецъ, зная ее, я могъ проникнуть дальше и, какъ при изученіи магнетизма, могъ итти отъ простаго къ сложному, не удерживаемый на своемъ пути сомнѣніемъ.

Я могъ-бы увеличить число фактовъ, но помимо трудности передать ихъ, рассказъ о нихъ ничего не прибавилъ бы къ тому, что я буду сейчасъ цитировать и что имѣло свидѣтелями нѣсколько сотъ лицъ. Итакъ, я возвращаюсь къ своему исходному пункту и воспроизвожу слово въ слово первые факты магіи.

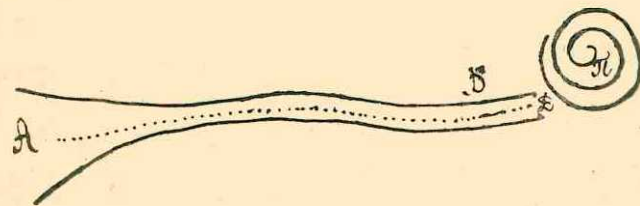
¹⁾ См. 1846, 1847, 1848.

II. Магическія линіи.

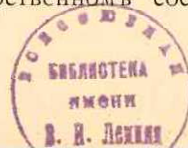
«На послѣднихъ пяти собраніяхъ нашихъ по воскресеніямъ г. баронъ Дю-Поте дѣлалъ попытки вызвать нѣкоторыя явленія магнетической магіи, успѣхъ которыхъ доказываетъ, что магнетизмъ — ключъ къ тайному знанію всѣхъ временъ и народовъ. Опыты, произведенные надъ шестью лицами, въ присутствіи многочисленной и избранной публики, дали такіе результаты, что самое искусное перо съ трудомъ могло бы описать ихъ. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, передать измѣняющіяся ощущенія, описать сложную игру личныхъ мускуловъ, взглядъ, позы лицъ, подчиненныхъ тайной силѣ, охватившей ихъ, владычествующей надъ ними, избравшей своимъ мѣстожителемъ самый мозгъ человѣка, откуда она вступаетъ въ борьбу съ душою порабожденной ею организаціи? Тѣмъ не менѣе, попробуемъ сдѣлать понятными нѣкоторые образцы этихъ странныхъ феноменовъ.

Первый опытъ.

Двѣ линіи начерченны мѣломъ на полу съ опредѣленнымъ намѣреніемъ; у оконечностей ихъ находится, отдѣленная пространствомъ Д, спираль П, изображающая условно бездну.

Субъектъ, крѣпкій молодой человѣкъ, помѣщенъ въ исполнѣ бодрственномъ состояніи въ точкѣ А, поставивъ

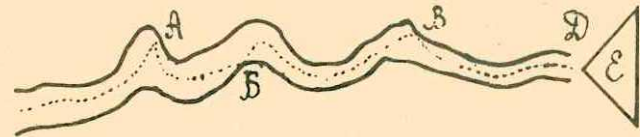

каждую ногу на сосѣдную ей линію. Г. Дю-Поте, предва- рительно испытавшій его чувствительность, совершенно не магнетизируетъ его и вполне предоставляет ему подчи- няться или сопротивляться тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя онъ будетъ испытывать. Онъ сопротивляется. Вскорѣ обна- руживается конвульсивное дрожаніе нижнихъ конеч- ностей, сообщающееся всему организму; глаза дѣлаются свер- кающими, стеклянными, неподвижными; что-то неровное въ движеніяхъ бросается въ глаза; появляется явное нетер- пѣніе, и онъ тотчасъ начинаетъ идти по линіямъ, не бу- дучи въ состояніи ни покинуть ихъ, ни уклониться отъ нихъ, ни бѣжать отъ нихъ, ни избѣжать ихъ; нѣчто непе- редаваемое выражается тогда во всѣхъ его чертахъ. Гос- подствующая надъ нимъ или чарующая его сила влечетъ его къ концу этого фатальнаго пути, гдѣ *по желанію* маг- нетизера находится глубокая пропасть. Эта пропасть — только идея, магнетически формулированный актъ воли, но эта идея настолько сообщена субъекту, что приближаясь къ воображаемой безднѣ онъ ложится и ползетъ отъ точки Б до зіяющаго отверстія фиктивной пропасти. Тутъ глубокое отчаяніе выражается во всей его фигурѣ; онъ задыхается, дыханіе его хрипло и шумно. Какъ охваченный головокру- женіемъ онъ пытается уцѣпиться, удержаться, впуская ногти въ выемки пола. Все его тѣло охвачено трепетомъ, невоз- можнымъ для поддѣлки. Въ эту минуту большая часть присутствующихъ, взволнованная этой необыкновенной сце- ной, настолько принимаетъ участіе въ ней, что всѣ взгляды съ вниманіемъ устремлены на субъекта, зрители приподни- маются съ своихъ мѣстъ, рты полуоткрыты: еще одна ми- нута и эта толпа разразится раздражающими сердце кри- ками. Но г. Дю-Поте, кладя конецъ этой неподражаемой магической сценѣ, заставляетъ поднять субъекта, обуревае- маго все время страхомъ и томленіемъ; только въ сосѣдней комнатѣ онъ приходитъ въ себя и забываетъ опасность,

которой по его мнѣнію онъ подвергался нѣсколько минутъ передъ тѣмъ. Холодный потъ заливаетъ его и забвеніе имъ того, что произошло, поражаетъ новымъ удивленіемъ сви- дѣтелей этого интереснаго опыта.

Второй опытъ.

Всю обстановку этого опыта составляютъ опять двѣ мѣ- ловыя линіи, начерченные съ опредѣленнымъ желаніемъ. По одну изъ сторонъ отъ оконечностей ихъ помѣщается тре- угольникъ Е, назначеніе котораго мы сейчасъ узнаемъ.

Субъектъ этого опыта, тоже крѣпкій молодой человекъ, точно также находится въ бодрственномъ состояніи. По- мѣщенный въ пространствѣ между двумя линіями, доста- точно удаленными одна отъ другой, чтобы можно было двигаться, не задѣвая ихъ, и предоставленный единственно дѣйствию флюида, заложеннаго въ линіи, этотъ человекъ оказывается подъ вліяніемъ этой области, границъ которой онъ не можетъ переступить: онѣ кажутся ему стѣнами, о- которыя онъ наталкивается то съ правой, то съ лѣвой сто- роны. Отъ оконечностей линіи, слѣдуя пунктиру, онъ до- стигаетъ точки А, гдѣ дѣлаетъ напрасныя усилія продол- жать путь по прямой линіи; носки его наталкиваются на магическую линію, не будучи въ состояніи перейти ее. Рѣзкое движеніе заставляетъ его слѣдовать косвенному на- правленію и двигаться до точки В по направленію, изобра- женному пунктирной линіей, а оттуда до точки В; у каж- дой изъ нихъ онъ останавливается; ноги его какъ будто пригвождены, тѣло качается. Крутой полуоборотъ снова

помѣщаетъ его на его извилистый путь. Достигнувъ точки Д, онъ находитъ выходъ закрытымъ расходящимися сторонами треугольника Е; онъ дѣлаетъ величайшія усилія переступить это препятствіе и проявляетъ безнадежность и страхъ, о которыхъ невольныя мускульныя движенія свидѣтельствуя взглядомъ всѣхъ присутствующихъ; онъ какъ будто прикрѣпленъ къ полу.

Четыре другихъ лица, поставленные въ тѣ же условія, точно также подчиняются вліянію; разница только въ степени подчиненности.

До сихъ поръ эти факты, хотя и любопытные, имѣютъ, тѣмъ не менѣе, много сходства съ явлениями магнетическаго притяженія, хотя и отличаются существенно отъ нихъ способомъ произведенія ихъ, такъ какъ въ данномъ случаѣ магнетизеръ остается пассивнымъ, а при притяженіи онъ энергически магнетизируетъ. Но вотъ гдѣ начинается магія. Нужно заставить выйти изъ этого лабиринта вовлеченныхъ въ него лицъ. Прикрѣпленіе ихъ ногъ къ полу дѣлаетъ трудной эту операцію; между тѣмъ, они не оказываютъ никакого сопротивленія и нужно побѣдить не инерцію; это нѣчто большее: это родъ припоя, который одинъ человѣкъ не можетъ преодолѣть; для этого нужно нѣсколько человѣкъ. И когда удастся удалить намагнетизированныхъ изъ магнетической области, ихъ ноги привлекаются линиями и снова прикрѣпляются къ нимъ и до такой степени, что, для того чтобы освободить субъектовъ, нужно уносить ихъ, избѣгая сосѣдства района, къ которому они безпрестанно пытаются приблизиться.

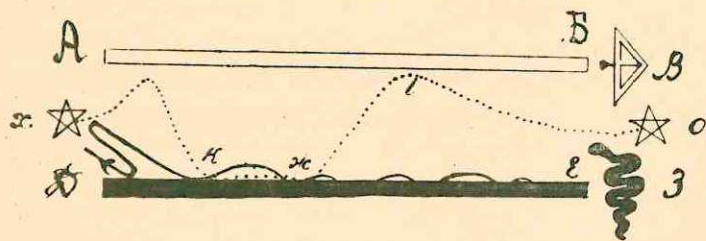
Всѣ эти намагнетизированные, будучи перенесены въ сосѣднюю комнату, приходятъ въ себя, но не сохраняютъ яснаго сознанія испытанныхъ ими ощущеній. У нихъ остается небольшая усталость въ ногахъ и икрахъ съ ощущеніемъ жара и съ такимъ чувствомъ, какъ будто у нихъ теребили всѣ мускулы ногъ. Но, повторяемъ, невоз-

можно передать все аномальное этихъ фактовъ. Мысль оказывается несостоятельной, желая изслѣдовать эти таинственные явленія.

Третій опытъ.

Факты подражательной магіи, о которыхъ мы сейчасъ будемъ говорить, оставляютъ далеко за собой все, сдѣланное до сихъ поръ въ области магнетизма; они открываютъ экспериментаторамъ широкое поле для изслѣдованій и расширяютъ горизонтъ мысли. Счастливы бывшіе свидѣтелями драмы, которую мы сейчасъ опишемъ: они могли понять и прочувствовать то, что тщетно будетъ пытаться изобразить наше перо.

Г. баронъ дю-Поте, держа въ одной рукѣ мѣлъ, а въ другой уголь, чертитъ на полу двѣ прямыя параллельныя линіи, одну — бѣлую, другую — черную, на разстояніи метра одна отъ другой, длиною около трехъ метровъ. Никто не знаетъ его плана; онъ одинъ задумалъ его. Всѣ внимательны, потому что, какъ въ предыдущихъ собраніяхъ, на сцену сейчасъ выступитъ магнетическая магія.

У оконечности Б бѣлой линіи находится нарисованный мѣломъ ватерпасъ В; у оконечности Е черной линіи нарисована змѣя З; двѣ звѣзды, начерченные мѣломъ, О и Х, нарисованы безъ магнетическаго намѣренія въ равномъ разстояніи отъ обѣихъ линій.

Теперь г. Дю-Поте сообщает намъ свою мысль. Вотъ какую задачу онъ ставитъ себѣ: узнать дѣйствительно ли нами управляють два противоположныя начала, какъ думали древніе философы: одно — принципъ добра, толкающій насъ на путь добра и ведущій имъ, другое — принципъ зла, безпрестанно подстрекающій насъ къ совершенію преступныхъ дѣяній. Торжество того или другого вызываетъ порокъ или добродѣтель во всякомъ существѣ, дѣлая его счастливымъ или несчастнымъ.

«Посмотримъ, говоритъ г. Дю-Поте, не обнаружитъ ли человѣческое существо, помѣщенное между этими символами, свою основную склонность; посмотримъ, каково будетъ направленіе, взятое лицами, выведенными на этотъ путь. Пространство свободно; магнетическое вліяніе только въ линіяхъ. Черта ихъ, я имѣлъ двѣ мысли; черная для меня — дорога порока: напряженіемъ воли я запечатлѣлъ въ ней все, могущее характеризовать ее. Бѣлая противоположна ей: я запечатлѣлъ также въ ней съ помощью своей воли свои мысли о всемъ томъ, что люди разсматриваютъ, какъ добродѣтель. Испытаемъ же ихъ вліяніе на лицъ, чувствительныхъ къ магнетизму, но не намагнетизированныхъ. Я, слѣдовательно, останусь во время производства опыта совершенно пассивнымъ и результатомъ, каковъ бы онъ ни былъ, долженъ быть приписанъ исключительно вліянію, обнаруживаемому линіями и символами».

Молодой человѣкъ двадцати четырехъ лѣтъ, сильный и рѣшительный, у котораго магнетическій сонъ никогда не вызывался, помѣщенъ на мѣловую звѣзду X. Воля его свободна и никто не замѣчаетъ перемѣны ни въ его сознаниіи ни въ его обычномъ видѣ; онъ смѣется и выражаетъ сомнѣніе въ успѣхѣ опыта.

Г. Дю-Поте помѣщается въ точкѣ O, гдѣ остается пассивнымъ, какъ всякій изъ присутствующихъ, для которыхъ этотъ опытъ такъ же новъ, какъ и неожиданный. Никто не

вѣрилъ тогда въ вліяніе, которое можетъ обнаруживать символъ, начерченный мѣломъ или углемъ съ магнетическимъ намѣреніемъ. Всѣ приглашены соблюдать молчаніе, но это приглашеніе оказывается бесполезнымъ: въ ту минуту, когда еще никто не могъ этого ожидать, субъектъ испытываетъ довольно сильное сотрясеніе. Съ этого момента всѣ въ тоскливомъ ожиданіи того, что должно совершиться; кругомъ глубокая тишина. Черты лица субъекта принимаютъ безпокойное выраженіе; онъ пристально смотритъ то на одну то на другую линію и уже не обращаетъ вниманія на окружающихъ. Тогда новая дрожь пробѣгаетъ по всему его тѣлу, сильно потрясая его. Наконецъ онъ дѣлаетъ шагъ къ черной линіи, потомъ добровольно возвращается на свое мѣсто; но едва онъ доходитъ до него, какъ снова начинаетъ итти въ прежнемъ направленіи. Уже ясно замѣтно, что его привлекаетъ черная линія; онъ, качаясь, приближается къ ней и наконецъ касается ея носкомъ въ точкѣ K, затѣмъ снова удаляется отъ нея, чтобы возвратиться въ пространство между линіями, но что то, какъ будто, удерживаетъ его; онъ смотритъ на бѣлую линію и его тѣло наклоняется въ сторону ея, а ноги остаются неподвижно у линіи, которой онъ почти касается. Рѣзкій полуоборотъ снова помѣщаетъ его на притягивающую его линію и онъ быстро идетъ по ней — до точки Ж. Тамъ, немного повернувшись на своей вертикальной оси, тѣло его, склонившись на сторону, съ головой, наклоненной къ бѣлой линіи, образуетъ почти полукругъ. Согнутый такимъ образомъ, онъ подвигается бокомъ къ оконечности черной линіи D, тоскливо глядя на то, чѣмъ она заканчивается. Глаза его какъ будто льютъ свѣтъ, до такой степени они сверкаютъ; всѣ его движенія порывисты, игра личныхъ мускуловъ выражаетъ душевную борьбу; на его лицѣ видны и упоеніе удовольствіемъ и отчаяніе, омрачающее его. Путаница въ мысляхъ обурекаетъ его; весь его организмъ

въ движеніи; грудь высоко вздымается, дыханіе порывистое. Потомъ всякое колебаніе исчезаетъ; онъ обращается къ символической змѣѣ, склоняется надъ этимъ вѣщимъ знакомъ, разставивъ руки, словно желая схватить ее. Тогда его исторгають изъ этого жестокаго положенія; онъ безъ сознанія и весь залитъ потомъ; глаза у него неподвижны. Перенесенный въ другую комнату, онъ мало-помалу приходитъ въ себя. Будучи запрошенъ о своихъ ощущеніяхъ, онъ припоминаетъ только первыя свои движенія и говоритъ, что три первыхъ сдѣланныхъ имъ шага сопровождались чувствомъ невыразимаго удовольствія; что тотчасъ послѣ этого имъ овладѣло чувство мрачной безнадежности и что онъ услышалъ внутренней голось, кричавшій ему: «Куда ты идешь? Вернись...». Но съ этого момента онъ не знаетъ, что онъ дѣлалъ, что съ нимъ стало, куда было увлечено его тѣло. Онъ увѣряетъ, что раньше совершенно не вѣрилъ въ подобное вліяніе и что твердо рѣшилъ, если оно дастъ себя почувствовать, сопротивляться ему всею силой своей воли.

Невозможно описать разнообразіе ощущеній, испытанныхъ присутствующими. Всякое движеніе субъекта вызвало у всѣхъ эффектъ электрическаго разряда, нѣчто вроде заразительности ощущать сотрясеніе; груди всѣхъ тяжело дышали и когда онъ нагнулся, чтобы схватить символъ зла, руки поднялись, рты открылись, словно, оскорбленные въ своемъ чувствѣ совѣсти, свидѣтели этой странной сцены хотѣли протестовать противъ такого результата.

Когда первое возбужденіе улеглось, г. Дю-Поте приглашаетъ другое лицо помѣститься на звѣздѣ X. Это тоже сильный человѣкъ, въ совершенно бодрственномъ состояніи; онъ думаетъ, что его воля болѣе сильна и побѣдитъ всякое вліяніе. Онъ смѣло, безъ всякаго колебанія, соглашается подвергнуться опыту. Теперь всѣ внимательны и наготовѣ ловить малѣйшія особенности опыта. Едва про-

шло двѣ минуты, какъ уже обнаруживаются конвульсивныя движенія въ ногахъ; взглядъ субъекта устремленъ въ пространство между линиями; замѣчается сильное колебаніе; тѣло его наклоняется то направо то налево; наконецъ первый шагъ сдѣланъ къ бѣлой линіи. Все собраніе думаетъ, что онъ будетъ продолжать двигаться къ ней, но ничего подобнаго: онъ рѣзко отброшенъ на черную линію въ точку E и затѣмъ двигается вдоль нея до точки H, гдѣ снова касается линіи. Тогда имъ овладѣваетъ отчаяніе; изъ глазъ начинаютъ литься слезы. Впечатленіе таково, что его какъ будто толкаетъ какой то злой геній. Нѣтъ! Отчаяннымъ движеніемъ онъ удаляется отъ черной линіи и направляется къ точкѣ I, противоположной ей, которой касается носкомъ; но онъ вскорѣ покидаетъ ее и въ какомъ то непередаваемомъ иступленіи достигаетъ точки O, г-на Дю-Поте, котораго хватаетъ въ объятія и обликаетъ слезами.

Вотъ, повидимому, два рѣшительныхъ опыта; всѣ поражены и думаютъ въ эту минуту, что дѣйствительно два генія, двѣ силы управляютъ человѣческой машиной, подчиняя ее себѣ; у нѣкоторыхъ даже не остается никакого сомнѣнія въ этомъ и ихъ охватываетъ мрачная грусть. Дѣйствительно ли безспорно, что нѣчто фатальное толкаетъ насъ къ безднѣ, когда противоположная сила не можетъ уравновѣсить свою соперницу; можно ли всякому изъ насъ путемъ такихъ опытовъ узнать свою судьбу? Попробуемъ еще разъ, говоритъ г. Дю-Поте и, взявъ новаго субъекта, кажушагося увѣреннымъ въ себѣ, онъ помѣщаетъ его, какъ и предыдущаго, на звѣзду X.

Этотъ опытъ также обѣщаетъ дать результаты. Въ членахъ этого рѣшительнаго человѣка начинаются конвульсіи; выраженіе лица начинаетъ мѣняться; еще одно мгновеніе— и онъ двинется... Вдругъ дверь хлопаетъ съ страшнымъ шумомъ, присутствующіе расталкиваются, стулья опрокиды-

ваются: молодой медикъ, котораго никто не замѣтилъ въ углу залы, стрѣлою бросается къ линиямъ. Опрокидывая на своемъ пути всякое препятствіе, онъ однимъ прыжкомъ достигаетъ пространства, заключеннаго между линиями. Лицо его искажено, волосы стоятъ дыбомъ, глаза свирѣпые, руки вытянуты, пальцы растопырены; онъ страшно мечется и повидимому хочетъ занять мѣсто того, кто согласился на опытъ.

Всѣ поднимаются съ удивленіемъ; собраніе охватываетъ родъ паники. Но г. Дю-Поте быстро приближается къ субъекту и кладетъ руку ему на лобъ; субъектъ склоняется къ нему, закрываетъ глаза и утихаетъ. Выведенный въ другую комнату, герой этой неожиданной драмы подвергается опросу; онъ отвѣчаетъ несразу и наконецъ говоритъ, что онъ поступилъ такъ противъ своей воли, что, увлеченный неодолимою силой, онъ былъ какъ бы брошенъ къ линиямъ.

Г. Дю-Поте, резюмируя сеансъ, приглашаетъ собраніе не дѣлать никакихъ рѣшительныхъ выводовъ изъ только что видѣнныхъ фактовъ. Онъ думаетъ, что въ этомъ случаѣ матерія, болѣе подчиняющаяся, чѣмъ духъ, была поработана одними свойствами жизненной силы, что душа, находя органы парализованными, не могла развить всей своей силы. Онъ приглашаетъ всѣхъ, занимающихся магнетизмомъ, повторять эти опыты не иначе, какъ съ большою осторожностью, потому что для успѣшнаго произведенія этихъ, еще таинственныхъ, явленій нужно обладать увѣренностью въ дѣйствіяхъ и глубокимъ спокойствіемъ мысли: сильнѣйшее потрясеніе можетъ явиться результатомъ невѣжества или несоблюденія правилъ, признанныхъ необходимыми для правильнаго вызова явленій. Онъ напоминаетъ по этому поводу глубокую практическую истину, заключающуюся въ слѣдующихъ простыхъ словахъ одной сомнамбулы: «Ничему не удивляйтесь». Въ самомъ дѣлѣ, намъ извѣстно, что если магнетизеръ заражается волненіемъ, которое всегда порождаетъ

дастъ удивленіе, или поддается вліянію вида вызванныхъ имъ у субъекта разстройствъ, то субъекта скоро охватываетъ смятеніе, съ которымъ магнетизеру уже не совладать.

«Рядомъ аналогическихъ демонстрацій, говоритъ онъ, продолжая эту серію опытовъ, мы надѣмся зажечь свѣточъ, который долженъ освѣщать путь магнетизма. Магнетизеры слишкомъ долго оставались въ экспериментальномъ кругу, очерченномъ нашими предшественниками; теперь нужно смѣло перешагнуть его, идя все время отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, не забывая ни на минуту практическихъ правилъ, не теряя изъ виду свойствъ магнетическаго агента. Не будемъ обращать вниманія на тѣхъ, которые пожелали бы тормозить ходъ знанія своими страхами. Будемъ вводить новое, будемъ вводить безостановочно, но пусть благоразуміе и опытъ всегда служатъ намъ лоцманами».

Четвертый опытъ.

Предыдущіе опыты магнетической магіи нельзя было производить съ одними и тѣми же субъектами: характеръ ихъ не позволяетъ этого. Хорошо было попытаться произвести ихъ; они удались — этого достаточно. Теперь нужно продолжать въ другомъ видѣ изученіе этихъ замѣчательныхъ явленій, но избѣгая значительнаго возбужденія нервной системы лицъ, соглашающихся на опытъ. Мы послѣдуемъ за г. Дю-Поте въ его новыхъ опытахъ и будемъ, насколько это возможно, вѣрно передавать наблюдаемые феномены.

Операторъ чертитъ мѣломъ на полу три круга около фута въ діаметрѣ.

Его намѣреніе, говоритъ онъ, произвести не вліяніе на душевный строй лица, имѣющагося подвергнуться опыту, а испытать, какіе физическіе эффекты вызоветъ магнетическій принципъ, заложенный въ трехъ круговыхъ линияхъ. Онъ думаетъ, что этотъ флюидъ дастъ себя почувствовать и, слѣдовательно, вызоветъ рядъ явленій нервознаго ха-

рактера или произведетъ физиологическіе эффекты, достойные изслѣдованія. Г. Дю-Поте беретъ сперва лицо двадцати четырехъ или двадцати пяти лѣтъ, коренастое и сильное; онъ помѣщаетъ его въ центрѣ круга А; онъ приглашаетъ его стараться побѣдить вліянія, которыя онъ можетъ испытать, стремящіеся заставить его перемѣнить положеніе. Это предложеніе заставляетъ субъекта усмѣхнуться и, тѣмъ не менѣе, во время разговора на лбу у него появляются складки, странный смѣхъ обращаетъ на себя вниманіе, въ голосѣ слышна дрожь и, продолжая разговаривать съ окружающими, онъ дѣлаетъ круговой поворотъ на каблучкахъ. Видно, что онъ сопротивляется, но скоро, все болѣе и болѣе уступая вліянію, онъ начинаетъ кружиться, какъ волчокъ. Это движеніе вдругъ обрывается; ему предлагаютъ еще остаться въ кругу и черезъ небольшой промежутокъ времени онъ опять начинаетъ вертѣться, принужденный повиноваться силѣ, къ которой онъ только что относился презрительно, потому что не могъ понять ее.

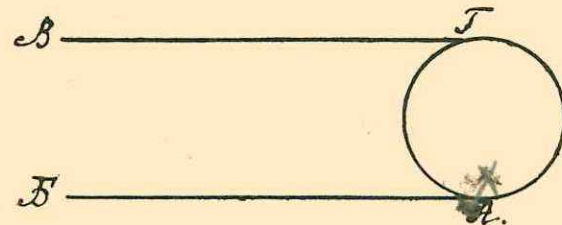
Возбужденіе длится у него около десяти минутъ и въ это время магнетизеръ помѣщаетъ другого молодого человека въ кругъ Б. Онъ отходитъ и всѣ внимательно слѣдятъ за тѣмъ, каковы будутъ испытываемыя ощущенія. Скоро глаза второго субъекта закрываются, голова его начинаетъ круговое движеніе, радіусъ котораго постепенно увеличивается. Ноги остаются все время въ центрѣ круга. Движеніе ускоряется; все тѣло принимаетъ участіе въ немъ; видно, что онъ сейчасъ потеряетъ равновѣсіе. Г. Дю-Поте приглашаетъ одного изъ присутствующихъ предупредить паденіе субъекта. Круговое движеніе быстро и непрерывно, и онъ падаетъ, не смотря на принятія предосторожности. Его относятъ далеко отъ мѣста опыта; онъ ничего не знаетъ; онъ помнитъ только, какъ помѣстился въ кругъ; онъ не чувствовалъ своего паденія, какъ и движеній всего своего тѣла.

До сихъ поръ опытамъ подвергались только молодые люди; можно было подумать, что ихъ нервная система болѣе доступна вліянію. Посмотримъ, говоритъ г. Дю-Поте, обнаружатся-ли тѣ же результаты и у пожилого лица, и онъ проситъ графа де-Бомонъ, возрастъ котораго не будетъ оспариваемъ, такъ какъ онъ видѣлъ Месмера у Маріи Антуанеты, помѣститься въ кругъ В и подѣлиться съ нами своими ощущеніями. Минуту спустя нижнія конечности его начинаютъ дрожать, ноги раздвигаются и снова быстро сближаются; наконецъ, онъ весь охваченъ вліяніемъ и вскрикиваетъ: Э! Э! Только тогда его выводятъ изъ круга. Онъ не только не жалуется на опытъ, но, повидимому, восхищенъ имъ; пріятная теплота разливается у него по всему тѣлу; одна изъ рукъ, плохо сгибавшаяся отъ ревматизма, дѣлается сразу такою свободной, какъ будто она всегда была здоровой.

Во время всѣхъ этихъ опытовъ г. Дю-Поте оставался совершенно пассивнымъ. Тотъ, кому неизвѣстно, какими свойствами можетъ быть облеченъ магнетическій агентъ, могъ бы подумать, что причиной этихъ явленій было воображеніе субъектовъ, но ничего подобнаго не имѣло мѣста. Вотъ новый опытъ, могущій разъяснить довольно многое въ этомъ отношеніи.

Пятый опытъ.

Операторъ чертитъ мѣломъ новый кругъ, изображенный фиг. X. Затѣмъ онъ проводитъ одну линію отъ точки А къ точкѣ Б и другую, параллельную ей, отъ точки В къ точкѣ Г.

Эти линіи магнетическія, точно также и кругъ, котораго онѣ касаются. Г. Дю-Поте дѣйствуетъ какъ и въ предыдущемъ опытѣ; его воля была направлена на то, чтобы сильно запечатлѣть въ этихъ линіяхъ силу дѣйствія, способную вліять на лицъ, помѣстившихся между ними. Вотъ интереснѣйшіе результаты, какіе только можно себѣ представить, потому что они бросаютъ свѣтъ на крайне темные пункты. Причиною ихъ является случай, а не соображенія магнетизера.

Три лица помѣщаются послѣдовательно въ точкѣ а. Ноги ихъ скоро развѣзжаются, непременно коснутся линіи; но странная и достойная вниманія вещь: одна изъ нихъ, АВ, сильно привлекаетъ субъектовъ къ кругу, между тѣмъ какъ ВГ дѣйствуетъ въ обратномъ смыслѣ, отталкивая ихъ къ исходной точкѣ. Субъекты подвигаются къ кругу, постоянно соскальзывая ногами съ линіи; ноги у нихъ раскарячены. Все тѣло искривлено и наклонено къ линіи АВ, между тѣмъ какъ ноги остаются на линіяхъ; наконецъ они достигаютъ середины круга, гдѣ у всѣхъ субъектовъ обнаруживается нѣчто вродѣ удушія. Вотъ данное г. До-Поте объясненіе противоположныхъ эффектовъ, обнаружившихся при этихъ опытахъ.

«Можно было замѣтить, говоритъ онъ, что чертя линіи, я не держался одного и того же направленія: одна была проведена отъ точки А къ точкѣ В, другую, наоборотъ, я провелъ изъ точки Е и направилъ ее къ кругу. Этимъ простымъ различіемъ исходныхъ точекъ линіи обусловлены всѣ противоположныя ощущенія, испытываемыя лицами, согласившимися подвергнуться опыту: одна линія притягиваетъ, другая отталкиваетъ, единственно въ силу того, какъ онѣ проведены. Здѣсь магнетизмъ подчиняется закону, который нужно знать и который подтверждаетъ много разъ высказанную мною истину: употребляемый агентъ обладаетъ присущими ему свойствами; предоставленный самому себѣ, т. е.

когда онъ совершенно лишенъ тѣхъ качествъ, которыя душа или духъ могутъ сообщить ему, онъ дѣйствуетъ сообразно своей физической природѣ и представляетъ нѣкоторую аналогію съ магнитомъ. Слѣдовательно, чтобы установить искусство магнетизировать, все сводится на то, чтобы сперва распознать постоянныя, ненарушимыя свойства магнетическаго агента, а затѣмъ и тѣ, которыя онъ можетъ проявить подъ вліяніемъ нашей воли. Здѣсь ясно видно, что то, что мы по своему маловѣдѣнію считаемъ необъяснимымъ и вызваннымъ неизвѣстными причинами, обусловлено только несоблюденіемъ правилъ уже извѣстныхъ, но не вспоминаемыхъ при производствѣ опытовъ».

«Этотъ послѣдній опытъ имѣетъ важное значеніе въ томъ отношеніи, что онъ ясно указываетъ намъ причину замѣченныхъ противоположныхъ эффектовъ и вразумляетъ насъ насчетъ феноменовъ, которые теперь мы будемъ въ состояніи объяснять»...

Шестой опытъ.

Г. Дю-Поте пригласилъ двухъ лицъ, подвергавшихся предыдущимъ опытама, помѣститься на одной линіи: одно изъ нихъ остается неподвижно, нѣсколько въ сторонѣ отъ линіи; другое касается противоположной оконечности ея, какъ показано на чертежѣ.

А _____ Б

Лицо, помѣщенное въ точкѣ А, испытываетъ привлеченіе и проходитъ часть линіи взволнованный, потрясенный магнетическимъ агентомъ, между тѣмъ какъ находящійся въ точкѣ Б еще не испытываетъ ничего замѣтнаго. Но по мѣрѣ проявленія вліянія и приближенія въ силу него субъекта къ оконечности Б, помѣщающійся на ней начинаетъ испытывать волненіе, все болѣе и болѣе замѣтное, и въ моментъ, предшествующій столкновенію субъектовъ, волненіе

обоихъ такъ велико, что необходимо свести ихъ съ линій: сами они неспособны разойтись. Такимъ образомъ, можно было наблюдать дѣйствіе одного на другого, тѣмъ болѣе сильное, что болѣе активная атмосфера подчинившагося вліянію охватила нервную систему находившагося въ сферѣ дѣйствія ея.

Г. Дю-Поте заявляетъ намъ, что эти опыты для него откровеніе, что онъ открылъ одну изъ самыхъ скрытыхъ тайнъ магнетизма, очевидное доказательство чему онъ дастъ на будущемъ собраніи.

III.

Магическое зеркало.

Если какой нибудь фактъ входитъ въ составъ вѣрованій всѣхъ народовъ, если онъ встрѣчается повсюду въ тысячахъ разнообразныхъ формъ, если историки всѣхъ временъ говорятъ о существованіи его, то какое значеніе имѣетъ отрицаніе его учеными? Оно только придаетъ ему большую степень очевидности, потому что соображенія, приводимыя ими для опроверженія его, наоборотъ, только упрочищаютъ его достовѣрность.

Такимъ образомъ, магія, — а этимъ именемъ мы обозначаемъ явленія тайной силы, мало извѣстной, мало опредѣленной, источникъ которой въ насъ самихъ, — существуетъ въ Китаѣ, въ Индіи, на Востокаѣ. Существованіе ея констатировано также на всемъ сѣверѣ, у самихъ мелкихъ народцевъ, у лапландцевъ, равно какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ. Мы, слѣдовательно, имѣемъ дѣло съ фактомъ, стоящимъ изученія. Мы задались цѣлью освѣтить его и воспроизвести, насколько позволяютъ намъ наши слабыя силы, феномены, доказывающіе реальность силы, проявляемой душою человѣка внѣ обитаемаго ею организма.

Не тревожась нисколько различными мнѣніями о нашей работѣ, мы скажемъ тутъ ясно, безъ всякой двусмысленности: *мы открыли въ магію*. И чтобы оправдать нашу вѣру мы передадимъ серію опытовъ, являвшихся результатами сдѣланнаго нами обдуманнаго приложенія существующей въ насъ психической силы, безъ помощи какихъ нибудь другихъ силъ или агентовъ. Въ этомъ случаѣ необходимо, чтобы всякое явленіе было результатомъ только одной силы.

Первый опытъ.

Для этой операціи мы беремъ кусокъ угля и чертимъ дискъ, стараясь, чтобы всѣ части его были зачернены. Наше намѣреніе вполне формулировано; никакого колебанія въ мысляхъ. Субъектъ, приблизившись къ этому кружку, смотритъ на него. Интуитивное проицаніе, обусловленное раппортомъ, который установится между агентами, содержащимися въ немъ и заключенными въ магическомъ зеркалѣ, должно дать ему возможность видѣть событія и все то, что его интересуетъ, какъ если бы онъ былъ въ экстазѣ или въ высшихъ степеняхъ сомнамбулическаго сна, хотя всѣ его способности остаются въ его распоряженіи; онъ вполне свободенъ и ничто въ немъ не поработено. Можетъ быть, этимъ не выражена наша мысль во всей ея полнотѣ, но у насъ нѣтъ терминовъ, чтобы выразиться иначе.

Операторъ долженъ держаться нѣсколько поотдалъ, чтобы съ этого момента никакое вліяніе съ его стороны не присоединилось къ тому, что сдѣлано.

Этотъ опытъ, новый какъ для насъ, такъ и для всего собранія, вызываетъ тишину и вниманіе.

Глаза всѣхъ открыты, кругъ начерченъ среди бѣла дня на паркетѣ, не подвергавшемся никакимъ подготовленіямъ, лишенномъ всякой краски, и уголь, которымъ онъ начерченъ, положенъ на каминъ, гдѣ всѣ могутъ осмотрѣть его.

Никакихъ куреній; ни одно слово не произнесено; ничего, кромѣ этой угольной пыли и тайной силы, заложенной въ нее въ самый моментъ операци, потребовавшей всего четырехъ минутъ. Въ этотъ короткій промежутокъ времени излученія нашего интеллекта, приведенныя въ дѣйствіе другими излученіями, образовали невидимый, но реальный центръ; мы чувствуемъ, что онъ существуетъ, по незнакомому безпокойству, испытываемому нами, по потрясенію всего нашего организма, а еще болѣе по ослабленію его, обусловленному уменьшеніемъ общей суммы нашихъ силъ. Вотъ что мы наблюдаемъ.

Полный увѣренности въ себѣ, убѣжденный въ безсиліи этой магіи, господинъ двадцати пяти — двадцати шести лѣтъ приближается къ вѣщему знаку, разсматриваетъ его увѣреннымъ взглядомъ, созерцая его изгибы, такъ какъ онъ вычерченъ неровно, поднимаетъ голову, смотритъ одну минуту на собраніе, затѣмъ опускаетъ взглядъ къ своимъ ногамъ.

Тогда замѣчается начало вліянія: голова его опускается ниже, онъ дѣлается безпокойнымъ, обходитъ вокругъ чернаго диска, ни на секунду не сводя съ него глазъ; онъ еще больше наклоняется, выпрямляется, отступаетъ на нѣсколько шаговъ, снова приближается, хмурится, становится угрюмымъ и съ трудомъ дышетъ. Передъ нами самая странная, самая интересная сцена. Этотъ человѣкъ видитъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, образы, рисующіеся въ зеркалѣ: его безпокойство, волненіе, еще болѣе неподражаемая движенія, рыданія, слезы, гнѣвъ, отчаяніе и ярость — все свидѣтельствуемъ объ ужасѣ и сильномъ душевномъ возбужденіи.

Это не греза, не кошмаръ: видѣнія реальны. Передъ нимъ развертывается рядъ событій въ образахъ, въ знакахъ, которые онъ схватываетъ, которыми проникается; онъ то веселъ, то полонъ печали, по мѣрѣ того какъ картины будущаго проходятъ передъ его взоромъ. Вскорѣ онъ даже

приходитъ въ иступленіе; онъ хочетъ схватить зеркало, въ которое погружаетъ страшный взглядъ, потомъ бросается къ нему и ударяетъ его ногой; взвивается угольная пыль и операторъ приближается, чтобы положить конецъ этой драмѣ, полной волненія и ужаса. Одно мгновеніе кажется, что субъектъ совершитъ насиліе надъ операторомъ, потому что онъ грубо схватываетъ его за голову и сильно сжимаетъ ее. Нѣсколько радушныхъ словъ въ связи съ пассами успокаиваютъ его; выступившіе изъ границъ жизненные токи возвращаются въ свое русло.

Субъекта уводятъ въ сосѣдную комнату раньше, чѣмъ онъ вполне приходитъ въ себя; тамъ его отрѣшаютъ отъ воспоминанія о видѣнномъ и окончательно успокаиваютъ. Скоро у него остается только боль въ верхней части головы, которая проходитъ сама собой черезъ полчаса. Тѣмъ не менѣе, у него остается смутное сознаніе видѣннаго, какая то озабоченность; онъ пытается вспомнить, онъ чувствуетъ, что съ нимъ произошло что то странное, но что онъ ни дѣлаетъ — память не можетъ доставить ему ни одной черты, ни одного образа изъ всего того, что онъ видѣлъ; все смутно и сколько ни спрашиваютъ его — онъ ничего не можетъ сказать.

Не грезимъ ли мы? Не были ли мы сами жертвою иллюзии? Хорошо ли мы видѣли то, что описали? Да, да, мы это наблюдали съ полнымъ спокойствіемъ и сознаніемъ; все реально и мы значительно ниже дѣйствительности, не будучи въ состояніи передать ее, такъ какъ намъ не хватаетъ не памяти, а словъ.

Этотъ опытъ вселилъ во всѣхъ убѣжденіе, что сдѣлано открытіе и что магнетизмъ несомнѣнно проложилъ себѣ новый путь. Опыты этого рода оставляютъ зади себя полныя интереса явленія сомнамбулизма, потому что въ данномъ случаѣ человѣкъ не усыпленъ и только съ помощью духовныхъ силъ своихъ можетъ разоблачать тайны будущаго.

Второй опытъ.

Черный дискъ частью стертъ; онъ возстанавливается нѣсколькими штрихами угля. Затрудняясь въ выборѣ новаго субъекта, операторъ ищетъ глазами среди собранія лицо, способное, по его мнѣнію, почувствовать тайное вліяніе зеркала и обнаружить эффекты его. Во время этого минутнаго колебанія выступаетъ самъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати, внимательно слѣдившій одно время за движеніями руки оператора и устремившій глаза на начерченную фигуру. Вскорѣ онъ поднимается съ своего стула, вызывая общее удивленіе; онъ медленно приближается, нѣмой и блѣдный; онъ нѣсколько разъ обходитъ вокругъ магическаго зеркала, внимательно разсматриваетъ его, удаляется, приближается, склоняется надъ нимъ. Что видитъ онъ въ этомъ черномъ кружкѣ? Никто еще не знаетъ этого, но онъ видитъ. Онъ раздражается неподражаемымъ сардоническимъ смѣхомъ; потомъ его фигура принимаетъ серьезное выраженіе; онъ волнуется, всѣ члены его дрожатъ; затѣмъ онъ снова дѣлается спокойнымъ. Онъ отличается отъ перваго субъекта тѣмъ, что въ немъ незамѣтно никакого иступленія; повидимому, его одолѣваетъ любопытство и глаза его не покидаютъ зеркала. Въ такомъ состояніи онъ остается отъ десяти до двѣнадцати минутъ, бормоча какія то слова; въ ту минуту, когда онъ начинаетъ говорить, вмѣшивается операторъ. Но встрѣченный первую минуту субъектомъ какъ посторонній, онъ не безъ труда удаляетъ его отъ зеркала. Какъ и субъектъ перваго опыта онъ безъ помощи воды Леты отрѣшается отъ воспоминанія.

Жрецы Изиды не были, слѣдовательно, обманщиками; они знали, несомнѣнно, о существованіи магическаго агента и пользовались имъ для своихъ чудесъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ они получали отъ подвергавшихся ужаснымъ испытаніямъ посвященія откровенія, способныя на-

правлять ихъ по пути жизни, но, чтобы внушить больше уваженія, они приписывали богамъ то, что исходитъ отъ самого человѣка. Можетъ быть, они также хотѣли имѣть благотворное вліяніе на массу и держать ее въ страхѣ.

Мы передаемъ эти размышленія, не придавая имъ большого значенія; съ насъ достаточно обладанія долго скрытымъ секретомъ вступать въ сообщеніе съ духовнымъ міромъ. Другіе будутъ рыться въ прошломъ и когда имъ придется передавать исторію этихъ отдаленныхъ временъ, они уже не будутъ приписывать лжи или обману то, что обусловлено вѣчнымъ закономъ природы. Магнетизмъ, также какъ другія еще тайныя силы, дѣлающія зерно плодороднымъ и создающими все видимое нами, войдетъ въ число научныхъ знаній.

Тайны, уловенныя во время этихъ магическихъ операцій, еще не должны быть разоблачаемы; мы были бы недостойны владѣть знаніемъ, если бы разглашали ихъ встрѣчному и поперечному; тутъ мы имѣемъ дѣло съ фактомъ, который остается между двумя лицами; опыты, производимые въ присутствіи сотни лицъ, требуютъ осторожности; вотъ что удерживаетъ насъ. Намъ было бы легко повторить громко то, что видящіе шептали тихо, что только мы слышали.—«Иллюзія, скажутъ, ничего реальнаго не было во всемъ этомъ».—Рѣчи безумцевъ и лжеученыхъ. Вотъ нашъ отвѣтъ на грубыя предположенія: послѣдній субъектъ былъ въ первый разъ на нашихъ демонстративныхъ сеансахъ, даже имя было намъ неизвѣстно, какъ и личность его; онъ ровно ничего не зналъ о томъ, что происходило раньше. И мы видѣли, какъ послѣ нашихъ опытовъ, вполне успокоившись, онъ слѣдовалъ по одной старой линіи, черченной для другихъ опытовъ уже три недѣли тому назадъ, по которой много разъ проходила половая щетка. Съ непередаваемымъ чувствомъ, раздѣлявшимся всѣми, мы смотрѣли, какъ онъ неуклонно слѣдо-

валъ по этой невидимой линіи, хорошо сохранившейся въ нашей памяти. Будучи спрошенъ, онъ говоритъ намъ, что почувствовалъ себя увлеченнымъ въ этомъ направленіи, но что причина этого ему была неизвѣстна; онъ былъ тогда на окончности чертежа, въ которой была заложена магнетическая сила; внѣ его никакое вліяніе не дало себя почувствовать. Необходимо, стало быть, искать другихъ объясненій для наблюдаемыхъ феноменовъ; для насъ причина ихъ въ этомъ неизвѣстномъ флюидѣ, который облекается нашими мыслями и нѣкоторое время сохраняетъ ихъ заключенными въ себѣ. Но, чтобы поддержать духъ изслѣдованія у *людей сильныхъ*, мы дадимъ послѣдовательно отчетъ о всѣхъ нашихъ опытахъ. Послѣдующія страницы будутъ большею частью также выдержками изъ «*Journal du Magnétisme*» ¹⁾.

Я начертилъ углемъ на полу дискъ; самъ по себѣ этотъ знакъ не имѣетъ никакой силы, но онъ пріобрѣтаетъ ее и въ значительной степени, если вычерченъ при наличности извѣстнаго душевнаго состоянія. И желѣзо не имѣетъ магнетическихъ свойствъ, но оно пріобрѣтаетъ ихъ отъ одного приближенія магнитнаго желѣзняка. А что такое магнетизмъ минерала въ сравненіи съ магнетизмомъ чело-вѣческаго тѣла? Когда магнетическій знакъ проявляетъ въ должной степени заложенную вами въ него особенность, вы не нуждаетесь въ другихъ приготовленіяхъ. Закройте его до тѣхъ поръ, когда будете въ состояніи приступить къ опытамъ.

Избѣгайте духовъ и всего дѣйствующаго на чувства, особенно шума. Будьте вполне спокойны; не принимайте сами участіе въ опытахъ: это вредитъ имъ и извращаетъ

ихъ результаты. Приготовьтесь только къ возможности многочисленныхъ болѣзненныхъ припадковъ; нѣкоторые изъ нихъ въ состояніи испугать зрителя. Будьте быстры въ своихъ рѣшеніяхъ, въ которыхъ явится надобность, потому что эмоціи, испытываемыя лицами, подвергшимися опыту, сильно повышаютъ чувствительность и вы должны во время схватить субъекта и отвести его подальше отъ магического знака. Воспрепятствуйте, насколько возможно, всякому прикосновенію его къ постороннимъ и предохраняйте отъ него и себя.

Оставьте вокругъ себя пространство, достаточное для того, чтобы можно было свободно двигаться вамъ и субъекту, который будетъ кружить вокругъ этого зеркала. Имѣйте, пожалуй, подъ рукой низкій стулъ, безъ спинки, ибо часто субъектъ пытается приблизиться слишкомъ близко къ зеркалу, склоняется надъ нимъ и кончаетъ паденіемъ. Имѣйте также непрозрачную крышку, чтобы въ случаѣ надобности мгновенно закрыть зеркало, потому что часто эмоціи субъекта такъ сильны, испугъ такъ ужасенъ, что если вы не скроете отъ его глазъ мѣста, въ которомъ являются образы, вамъ будетъ почти невозможно сохранить свою власть надъ нимъ. Не волнуйтесь сами, иначе вы сдѣлаетесь неспособными успокоить нервное возбужденіе субъекта. Помните, что вамъ еще неизвѣстно, какое сопротивленіе могутъ проявить органы жизненнымъ силамъ, каждающимся въ этихъ случаяхъ упятеренными. То, что наблюдается при этихъ явленіяхъ, значительно превосходитъ особенности нервныхъ болѣзней, будутъ ли они вызваны поврежденіемъ мозга или разстройствомъ отравленій органической жизни.

Не позволяйте себѣ заражаться восхищеніемъ, испытываемымъ иногда видящимъ: заманчивыя картины, видимыя имъ, скоро смѣняются неожиданнымъ ужасомъ. Увы! здѣсь развертывается драма жизни; чувствительность сильно под-

¹⁾ См. 1849, 1850 и 1851 гг.

нята, а разумокъ, который долженъ бы былъ уравновѣшивать силу ея, отсутствуетъ. Книга жизни развертывается и каждая страница ея прочитывается въ одно мгновеніе.

Первый фактъ.

Принявъ всѣ предосторожности, вы предоставляете дѣло его собственному ходу. Видящій скоро теряетъ самочувствіе: взглядъ его все время устремленъ на магическій центръ; подпавъ подъ вліяніе, субъектъ кружится вокругъ него, увлеченный вихремъ неизвѣстныхъ силъ и свѣтъ безсмертныхъ проникаетъ въ его душу. Онъ испытываетъ сильнѣйшія потрясенія; природа несомнѣнно нуждается въ подобномъ приѣмѣ: это согласованіе или соединеніе, соединеніе интимное и цѣлое.

До сихъ поръ все ограничивается движеніемъ: это подземный огонь, потрясающій скалы и дающій расщелины. Подождите, сейчасъ наступитъ тотъ моментъ, когда видящій, подобно Пифіи, начнетъ свои прорицанія. Онъ видитъ, но никто еще не знаетъ, что именно. Онъ плачетъ, потому что появилась его мать; плачь его тихъ и благоворенъ. Онъ видитъ ту, которая дала ему жизнь; онъ восторженно созрекаетъ ее. Сначала онъ видитъ только ея лицо; затѣмъ мало-помалу она встаетъ передъ нимъ; онъ хочетъ почувствовать ея объятія, услышать ея голосъ. Тѣнь улыбается и, повидимому, манитъ его взглядомъ и жестомъ, но я разрываю цѣпь, установившуюся между живыми и мертвыми, — и все исчезаетъ.

Что это: сновидѣніе, галлюцинація, греза, не больше? Это неважно; это пока мой секретъ.

Состояніе субъекта невозможно сравнить ни съ чѣмъ. Онъ покрытъ потомъ; онъ испытываетъ по временамъ дрожаніе членовъ, возбуждающее и сильно потрясающее его. Лицо полно оживленія; обильныя слезы струятся изъ глазъ. Хотя его уведать очень далеко отъ мѣста опыта и хотя

онъ окруженъ многочисленной толпой, онъ, тѣмъ не менѣе, все время смотритъ по направленію магическаго знака, призывая, повидимому, свои воспоминанія и восклицаетъ: «Я былъ только что очень счастливъ!» Онъ жалуется на то, что не дали продолжаться его видѣнію и пытается ускользнуть отъ насъ, рѣзко поднимаясь съ цѣлью вернуться въ залу. Первое время трудно его успокоить. Онъ восклицаетъ: «Зачѣмъ помѣшали мнѣ? Какъ я былъ счастливъ! Не мѣшайте мнѣ снова увидѣть мать!» Наконецъ впечатлѣнія изглаживаются; онъ смѣется и съ какимъ-то безпокойствомъ спрашиваетъ, почему онъ въ этомъ мѣстѣ, что съ нимъ случилось?

Второй фактъ.

Но въ это время, несмотря на мое отсутствіе, два лица изъ числа собравшихся, подпавъ подъ вліяніе магическаго знака, сперва съ трудомъ встаютъ, затѣмъ сами собой начинаютъ двигаться вокругъ зеркала, гдѣ встрѣчаясь другъ съ другомъ, особеннымъ образомъ смотрятъ одинъ на другого; повидимому, каждый изъ нихъ хочетъ только одинъ и нераздѣльно наслаждаться видомъ чудныхъ видѣній, являющихся на зачерненной поверхности. Одинъ изъ присутствующихъ, по моему слову, приближается съ цѣлью раздѣлить видящихъ, готовыхъ начать ссору; его на пять или шесть шаговъ отбрасываетъ движеніемъ руки одного изъ субъектовъ, *движеніемъ, которое намъ казалось лишеннымъ всякаго усилія*. Удивленіе этого господина раздѣляетъ все собраніе; всѣ какъ будто спрашиваютъ себя, откуда явилась эта сила, дѣйствіе которой такъ непостижимо. Наконецъ я лично вмѣшиваюсь и оба видящихъ дѣлаются спокойными. Одинъ изъ нихъ становится на колѣни, приближаетъ лицо къ магическому знаку; голова его странно качается; глядя на движенія субъекта впередъ и назадъ можно подумать, что онъ уклоняется отъ невидимаго пла-

мени, извергающагося изъ этого таинственнаго центра. По временамъ онъ раздражается страннымъ смѣхомъ. Онъ видитъ танцующихъ маленькихъ человѣчковъ, какъ будто желающихъ увлечь въ свой кругъ и самого видящаго.

Дѣйствительно, вскорѣ онъ поднимается, продолжая смѣяться и восклицаетъ: «Но они слишкомъ маленькіе!» И, тѣмъ не менѣе, онъ принимается танцовать, сначала медленно, потомъ одушевляясь, съ какимъ-то иступленіемъ, все время смѣясь однимъ и тѣмъ же смѣхомъ. Присутствующіе теряютъ свою серьезность; смѣхъ овладѣваетъ всѣми и я никогда не думалъ, чтобы веселость могла передаваться съ такою быстротой.

Третій фактъ.

А что дѣлаетъ въ это время другой видящій? Онъ вовсе не смѣется; съ холодною серьезностью устремляетъ онъ на зеркало взглядъ, полный огня. Охваченный вскорѣ конвульсіями, онъ говоритъ, что видитъ постепенно выступающую отвратительную голову; уродливое видѣніе встаетъ все ярче и ярче; субъектъ полонъ ужаса; зубы его стиснуты, онъ пятится, но, поработенный появившимся существомъ, онъ долженъ приблизиться къ нему и тогда можно изучать всѣ эффекты страха и подчиненія, весь ужасъ, который можетъ вызвать видъ призрака.

Я успокаиваю этихъ двухъ лицъ. Втеченіи нѣсколькихъ минутъ у нихъ остается смутное воспоминаніе о видѣніи; затѣмъ все исчезаетъ, появляется обычное спокойствіе, между тѣмъ какъ съ своей стороны все собраніе сохраняетъ свои эмоціи съ тѣмъ, безъ сомнѣнія, чтобы никогда не утратить ихъ вполнѣ, ибо память всякаго будетъ возстанавливать эти неподражаемыя сцены, которыя не могли бы быть превзойдены даже и въ томъ случаѣ, если бы образы были видимы всему собранію такъ-же, какъ и субъекту.

Я опускаю интересныя подробности; я описываю только самыя рѣзкія, самыя матеріальныя явленія. Мнѣ было бы трудно передать душевныя движенія видящихъ, утонченность въ чертахъ ихъ лицъ, столь измѣнчивыя движенія, выраженіе ихъ глазъ, все то, наконецъ, что не можетъ быть передано словами.

Видѣлъ ли я эти явленія, среди бѣла дня представляемые лицами, вовсе не принимавшими опіума? Я свидѣтельствую это и сотни лицъ, если понадобится, поддержать мое свидѣтельство. Не больны-ли лица, подвергающіеся опытамъ, не представляютъ-ли они собою жертвъ какого нибудь лихорадочнаго припадка? Ничего подобнаго; они чувствуютъ себя прекрасно. Не занимаются ли они, по крайней мѣрѣ, оккультизмомъ? Мы можемъ поручиться, что они совершенно чужды подобнаго занятія. Можетъ быть, наконецъ, они часто подвергались опытамъ и магнетизеръ вбилъ имъ въ голову свои собственныя мысли? Рѣшительно ничего подобнаго: никакихъ предшествовавшихъ магнетизаций, никакихъ частыхъ встрѣчъ, если не считать сеансовъ. Я могу увѣрить, что того, что видятъ субъекты, совершенно не было у меня въ мысляхъ, такъ какъ мой умъ никогда до настоящаго дня не могъ повѣрить въ сверхчеловѣческія чудеса магіи, такъ какъ мое изумленіе не менѣе изумленія любого изъ присутствующихъ при опытахъ.

Четвертый фактъ.

Магическій знакъ открытъ. Вскорѣ одна молодая дѣвушка, еще не присутствовавшая ни при одномъ изъ моихъ опытовъ, начинаетъ испытывать судороги въ членахъ; она чувствуетъ, что ее влечетъ къ магическому центру и дѣлаетъ невѣроятныя усилія побороть это влеченіе. Ея усилія напрасны. Вся трепеща, она склоняется надъ зеркаломъ, дрожитъ, плачетъ, смѣется, рыдаетъ. Она устаётъ, я подвигаю къ ней стулъ; она садится, не отрывая глазъ отъ

того, что поражаетъ ея взоры. Она хотеть бѣжать, но не можетъ держаться на ногахъ; однако, она перемѣщается, и мы видимъ, какъ она быстро кружится, продолжая сидѣть; стулъ (солидный деревянный кубъ) движется вмѣстѣ съ нею. Здѣсь дѣйствуетъ не сила и ловкость человѣка, производящія, повидимому, это движеніе: его невозможно произвести при такихъ условіяхъ. Ее удаляютъ отъ зеркала; она раздражается истерическимъ смѣхомъ и, не смотря на присутствіе многихъ лицъ, ни за что не хотеть сказать, что она видѣла. «Никогда не скажу, говоритъ она: это слишкомъ забавно». При одномъ воспоминаніи о видѣнномъ смѣхъ ея усиливается. Только уведя ее довольно далеко намъ удастся успокоить, но во все время возбужденія она повторяетъ: «Какъ это забавно! Какъ это забавно!»

Пятый фактъ.

Желая при слѣдующихъ опытахъ сдѣлать магическій знакъ незамѣтнымъ, я рѣшилъ превратить въ мельчайшій порошокъ небольшое количество земли, взятой нѣсколько лѣтъ тому назадъ изъ одной друидской гробницы. Эта гробница содержала въ себѣ человѣческія кости, которыя, по крайней мѣрѣ, вѣковъ двадцать не видѣли свѣта. Землю, взятую мною среди этихъ древнихъ останковъ, я сохранялъ безъ всякой задней мысли и во время опыта не придавалъ никакого значенія тому, откуда она взята: я воспользовался ею такъ же, какъ воспользовался бы золой или древеснымъ прахомъ; единственное, что за нѣсколько дней до опыта я покрылъ зеркало порошкомъ. Свои планы, какъ и въ настоящее время еще, я никому не сообщалъ; я дѣйствую, не сообщая кому бы то ни было свои мысли о магіи. Я даже устраняю всякій разговоръ на эту тему.

Наступило воскресенье. Послѣ нѣсколькихъ опытовъ простого магнетизма я открываю взглядамъ всего собранія

скрытый магическій знакъ. — Эффектъ былъ быстръ: въ немъ было что то страшное. Одинъ господинъ, чиновникъ Национальной типографіи, совершенно чуждый занятіямъ магнетизмомъ, въ первый разъ присутствующій на сеансѣ, внимательно смотритъ на эту желтоватую пыль. Вскорѣ онъ начинаетъ волноваться, поднимается съ своего мѣста, приближается, дрожа всѣмъ тѣломъ къ зеркалу, и вскрикиваетъ: «Я вижу кровь, трупы; внутренности у нихъ вырваны!» Охваченный ужасомъ, онъ хотеть бѣжать, но какая-го тайная сила возвращаетъ его назадъ. Мы быстро уводимъ его; онъ безъ сознанія и это обморочное состояніе длится четыре или пять минутъ. Воспоминаніе отсутствуетъ у него вполнѣ.

Шестой фактъ.

Затѣмъ подъ вліяніе зеркала подпадаетъ одна молодая женщина. Охваченная такимъ же ужасомъ при видѣ разлитой крови, она видитъ человѣческія внутренности въ чемъ то вродѣ лоханки; трупы мечутся передъ ея глазами и скоро мы уводимъ ее, такъ какъ съ ней дѣлается дурно; она не сознаетъ и того, что мы дѣлаемъ. Напрасно предлагаютъ ей вопросы послѣ отрѣшенія ея отъ испуга: у нея не остается даже слабого воспоминанія о воспріятіяхъ ея духа.

Изъ всѣхъ присутствующихъ больше всѣхъ былъ удивленъ я или, скорѣе, мое удивленіе сильно разнилось отъ ихъ удивленія. Въ силу какой непостижимой тайны появились эти видѣнія? Мѣсто, изъ котораго я взялъ эту землю, заключало въ себѣ пять скелетовъ: одинъ изъ видящихъ видитъ пять труповъ. Повторяю: никто не зналъ моего секрета и лично я не приписывалъ этой пыли никакой особенности силы. Слѣдовательно, здѣсь не было передачи мысли, ибо ничего подобнаго тому, что произошло только что, и въ мысляхъ у меня не было.

IV.

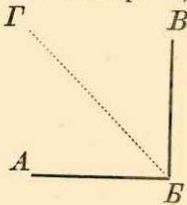
Магическое притяженіе.

Субъектъ и магнетизеръ помѣщаются, стоя, одинъ противъ другого на разстояніи нѣсколькихъ футовъ; если магнетизеръ начинаетъ медленно вертѣться, не сходя съ мѣста, то субъектъ, вмѣсто того, чтобы быть вовлеченнымъ въ сферу активности оператора и слѣдовать за нимъ, начинаетъ, наоборотъ совершенно такое же коловращательное движеніе, но въ обратномъ направленіи, какъ это бываетъ при двухъ валахъ и всякаго рода зацѣпленіи зубцами.

Сначала магнетизеръ и субъектъ вертятся съ одинаковой быстротой, но скоро послѣдній теряетъ свое вращательное движеніе и стремится удалиться отъ магнетизера, описывая кривую.

Второй опытъ, произведенный съ цѣлью подтвердить предыдущій, вполнѣ удался. Вотъ онъ.

Два магнетизера, помѣстившись одинъ въ точкѣ А, а другой въ точкѣ В, одновременно привлекаютъ къ себѣ съ возможно равнымъ напряженіемъ субъекта, помѣщеннаго въ точкѣ В. Послѣдній, находясь подъ вліяніемъ двухъ перпендикулярныхъ силъ, шатается, качается и затѣмъ двигается по равнодѣйствующей ихъ диагонали Г. Если магнетизеръ А дѣйствуетъ сильнѣе магнетизера В или наоборотъ, то субъектъ достигаетъ точки А или В

V.

Магическія симпатіи и антипатіи.

Изъ установленныхъ нами принциповъ слѣдуетъ, что токи флюида исходятъ изъ cadaго индивидуума и вхо-

дятъ въ него и что въ силу еще тайнаго для насъ сродства эти флюиды, когда ихъ не направляютъ мысль, намѣреніе, воля, стремятся, тѣмъ не менѣе, какъ бы обладая интеллектуальностью, вселиться въ организмы по своему выбору и вызвать — рядъ хорошихъ или дурныхъ состояній. Это слѣдуетъ изъ описанныхъ выше фактовъ. Теперь, зная благодаря магнетизму, возможность этого явленія, попытаемся еще уловить законъ его, ибо для насъ все правильно въ природѣ; мы не допускаемъ случая, изобрѣтеннаго невѣжествомъ на руку глупости.

Первый опытъ.

Если я черчу двѣ параллельныя линіи АБ и А'В' въ одномъ и томъ же направленіи

А _____ Б Г _____ В
 А, _____ Б,

то лица, слѣдующія по нимъ, не испытываютъ никакого измѣненія въ своемъ движеніи: они могутъ толкаться локтями, сталкиваться и никакіе моральные эффекты не имѣютъ мѣста. Если же, наоборотъ, другая линія начерчена, исходя изъ точки В къ точкѣ Г и если два лица идутъ одновременно одинъ по линіи АБ, другой по линіи ВГ навстрѣчу другъ другу, то все совершающееся носитъ странный характеръ антогонизма и антипатіи. Достигнувъ точекъ Б и Г, они смотрятъ другъ на друга; лица краснѣютъ или блѣднѣютъ и субъектами овладѣваетъ запальчивость; за презрѣніемъ слѣдуетъ угроза и два противника, какъ борцы, начинаютъ готовиться къ схваткѣ. Тогда нужно уловить моментъ вмѣшательства, потому что становится нелегкимъ разъединить субъектовъ, еще нѣсколько мгновений тому назадъ равнодушно смотрѣвшихъ другъ на друга. Скажу болѣе: даже при естественной, предсуществующей симпатіи

эффектъ былъ бы такой же, какъ мы это и видѣли нѣсколько разъ во время своихъ операций.

Второй опытъ.

Другой, не менѣ странный, эффектъ является результатомъ расположенія этихъ линій. Помѣстите на оконечности одной изъ нихъ, на примѣръ, въ точкѣ Б, когонибудь, но только пусть онъ стоитъ не двигаясь: субъектъ, проходящій линію отъ точки А, заражается симпатіей къ лицу, стоящему на дорогѣ ему; его мимика выразительна и свидѣтельствуетъ о самой сильной нѣжности. Но скоро, замѣтивъ, что виновникъ ея не отвѣчаетъ ему тѣмъ же, что онъ чуждъ того же жара, онъ грубо поворачиваетъ его въ знакъ пренебреженія и небрежно опирается ему на плечи.

Никакое описаніе не можетъ дать представленія объ этихъ феноменахъ: нужно самому произвести ихъ или присутствовать при вызовѣ ихъ, чтобы ихъ постигнуть. Нельзя передать перомъ движенія души, и мы отказываемся отъ этого.

VI.

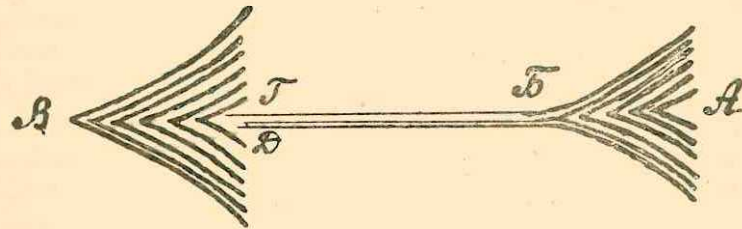
Магическая стрѣла.

Г. Дю-Поте, вѣря, что имъ найденъ въ предыдущихъ опытахъ новый законъ магнетизма, съ нетерпѣніемъ ждалъ возможности удостовѣриться въ этомъ такими фактами, которые не оставили бы никакого сомнѣнія на этотъ счетъ. На послѣднемъ собраніи, обращаясь къ присутствующимъ, онъ сказалъ слѣдующее:

«Если на результаты опыта вліяетъ взятое при черченіи линій направленіе ихъ, если не безразлично, какъ провести ихъ, то мы открыли великолѣпную вещь и слѣдствіемъ

этого долженъ быть замѣтный прогрессъ магнетизма. Мы сейчасъ передъ всѣми вами проведемъ мѣломъ новыя линіи и, чтобы не оставалось мѣста сомнѣнію, всѣ одинаково будутъ исходить изъ одной данной точки: опытъ долженъ быть полнымъ и рѣшительнымъ.

Начертимъ фигуру, въ которой всѣ линіи отъ оконечности А, сходясь въ точкѣ Б, продолжаютъ до точки В, гдѣ сходятся также и линіи Г и Д. Если я не ошибаюсь, здѣсь должны быть два весьма отличныхъ вліянія: одно

увлекающее субъектовъ отъ точки А къ точкѣ Б, другое, препятствующее имъ двигаться отъ В къ А. Поставимъ же, чтобы имѣть тотчасъ же фактическое данное, какогонибудь рѣшительнаго субъекта въ предположенныя условія и будемъ наблюдать имѣющіяся быть явленія».

Первый опытъ.

Въ силу сказаннаго г. Ц. просятъ помѣститься въ точкѣ Г и анализировать какъ можно хладнокровнѣе тѣ ощущенія, которыя онъ будетъ испытывать. Вскорѣ у него обнаруживается особая слабость; онъ увѣряетъ, что чувствуетъ въ ногахъ истеченіе своихъ силъ. «У меня отуманивается сознаніе», говоритъ онъ; потомъ, не будучи болѣе въ состояніи держаться прямо, онъ опускается и приходится поддерживать его. Онъ жалуется на все увеличивающееся истощеніе организма; наблюдается состояніе, близкое къ обмороку, характеризующееся блѣдностью лица, общимъ

ослабленіемъ и такимъ слабымъ дыханіемъ, что оно почти нечувствительно. Тогда его переносятъ въ точку В; тотчасъ являются признаки могучей жизненности, изгоняющей слабость, какъ при опытахъ съ животнымъ, введеннымъ въ безвоздушное пространство и снова получившимъ доступъ къ воздуху. Г. П. ясно чувствуетъ, какъ флюидическіе токи переходятъ изъ стрѣлы въ него. Тутъ онъ испытываетъ ощущенія, совершенно противоположныя только что описаннымъ: онъ наслаждается этимъ состояніемъ, выражаетъ радость и хочетъ остаться подольше на этой точкѣ.

Второй опытъ.

Чтобы убѣдиться въ томъ, что воображеніе совершенно не входитъ въ число причинъ, вызывающихъ эти явленія, г. Дю-Поте беретъ вновь прибывшаго молодого человѣка, никогда ни видѣвшаго предыдущихъ опытовъ ни слышавшаго о нихъ, совершенно незнакомаго съ цѣлью изслѣдованія. Его помѣщаютъ въ точку В, недавно покинутую первымъ субъектомъ, и съ изумленіемъ видятъ, что онъ начинаетъ глубоко дышать, что онъ испытываетъ нѣчто вродѣ лихорадочнаго возбужденія; глаза его горятъ; видимо, онъ чувствуетъ сильный приливъ жизни. Его просятъ двигаться впередъ; онъ дѣлаетъ по линіи одинъ шагъ и не можетъ продолжать итти; тщетно увеличиваетъ онъ число своихъ движеній; мускулы его напрягаются; досада и гнѣвъ овладѣваютъ имъ; его усилія такъ же неподражаемы, какъ и непередаваемы. Тѣмъ не менѣе, его оставляютъ въ этомъ положеніи, подстрекая продолжать. Но что-то неодолимое отталкиваетъ его, какъ приливъ отталкиваетъ, отбрасываетъ неблагоприятнаго, двигающагося противъ него. Взбѣшенный, онъ очертя голову бросается впередъ. Напрасныя усилія: онъ не достигаетъ и половины стрѣлы. Человѣкъ, помѣщенный на гладкомъ какъ стекло льду, опоясанный привязью, другой конецъ которой при-

вязанъ къ столбу, съ коньками на ногахъ, и желающій двигаться впередъ, могъ бы дать подобіе вполнѣ бесплодныхъ движеній, выполняемыхъ субъектомъ. Покрытый крупными каплями пота, сотню разъ поскользнувшись, онъ проситъ, умоляетъ вывести его изъ этого положенія. Онъ жалуется на ощущенія, вполнѣ аналогичныя ощущеніямъ его предшественника. Его всего пронизывалъ флюидъ, сообщившій его попыткѣ двигаться по линіи характеръ чрезвычайнаго возбужденія, замѣченнаго, впрочемъ, всѣми съ первыхъ же минутъ; онъ чувствовалъ, что жизненность его удвоилась, не будучи въ состояніи понять, какою силою это было сдѣлано. Но спустя нѣсколько минутъ послѣ опыта онъ почувствовалъ усталость въ рукахъ и въ ногахъ, какъ человѣкъ, которому пришлось много бороться.

Третій опытъ.

Третій опытъ былъ менѣе доказателенъ. Онъ былъ только повтореніемъ въ маломъ масштабѣ предшествовавшихъ ему, или потому, что субъектъ былъ менѣе воспримчивъ или, скорѣе, потому, что вліяніе линіи ослабѣло. Послѣднее предположеніе весьма правдоподобно и слѣдовало-бы при всякомъ опытѣ возобновлять частью стертыя линіи, ибо тутъ должно происходить поглощеніе дѣйствующаго начала тѣлами, приведенными въ соприкосновеніе съ нимъ; по крайней мѣрѣ, такъ бываетъ съ аналогическими агентами.

«Выводы допускаемые этими фактами, многочисленны, присовокупилъ г. Дю-Поте. Они указываютъ, почему при магнетизаціи прямой и съ помощью контакта получается сонъ или возбужденіе, смотря по приему магнетизаціи. Они подтверждаютъ принципы, изложенные мною въ «Manuel de l'Etudiant magnétiseur». и приводятъ насъ къ системѣ Месмера, признававшаго полярность человѣческаго тѣла, потому что эффекты, вызывавшіеся его кадкой и же-

лѣзными прутьями, были то положительны, то отрицательны. Этотъ великій человѣкъ не имѣлъ времени открыть истинные законы магнетизма; конвульсивные кризисы, въ которые онъ повергалъ больныхъ, были результатомъ плохо направленной магнетизаціи. Теперь будетъ возможно вызывать по желанію спокойствіе или возбужденіе: мы дадимъ многочисленныя доказательства этому».

VII.

Магическая гармонія.

Слѣдующее описаніе г. Шокарна, внимательно слѣдившаго за моими еженедѣльными сеансами, пополнить и подкрѣпить мой отчетъ.

«Физиологи-магнетисты, наблюдавшіе и, насколько это допускаетъ состояніе науки, описавшіе дѣйствіе месмерическаго флюида въ органахъ человѣческаго тѣла, психологи, изучавшіе, анализировавшіе и классифицировавшіе различныя явленія магнетическаго *транса*, установили почти всѣ силы или активныя способности души, освобожденной отъ тѣлесныхъ узъ, тогда какъ за исключеніемъ передачи мысли, собственно пассивной способности, хотя и дѣлающейся часто активной по волѣ субъекта, они не упоминаютъ о другихъ свойствахъ воли. Это упущеніе имѣло одно очень важное послѣдствіе, — лишеніе новой науки ея прекраснѣйшихъ прерогативъ и самыхъ чудныхъ феноменовъ. Мы говоримъ о феноменахъ, являющихся результатомъ власти и неодолимаго господства воли, души магнетизера надъ волей, душой субъекта.

Эти явленія были-бы безконечны по роду, разнообразію и деталямъ, если-бы и воображеніе не имѣло границъ для своихъ комбинацій, ибо сфера ихъ безгранична.

Вызовъ этихъ явленій и доказательство реальности ихъ г. Дю-Поте и сдѣлалъ своею цѣлью. Въ этихъ-то возвышенныхъ областяхъ психическихъ феноменовъ онъ, руководимый гораздо болѣе опытомъ, чѣмъ традиціей, установилъ вѣхи, которыя пригодятся ему для сближенія новой науки съ секретной наукой таинственной древности, короче, — магнетизма съ магіей, вѣхи, которыя, ведя его среди руинъ вѣковъ варварства, дадутъ ему возможность розыскать и возстановить во всѣхъ частяхъ сокровища знанія, бывшаго даже въ старое время тайнымъ для непосвященныхъ взоровъ невѣжественной толпы. Въ его рукахъ, открытыхъ для всякаго, магія, извлеченная изъ обломковъ науки прошлаго, очищенная отъ предразсудковъ, клеймившихъ ее въ глазахъ умныхъ людей, лишенная всякой таинственности, прикрывавшей ее, магія, говоримъ мы, возстановленная съ ея элементами и силой, имѣющими источниками всецѣло физическій и духовный міры человѣка, появится снова, но безъ покрывала, съ единственною цѣлью просвѣтить смертныхъ относительно дивной шири ихъ интеллектуальныхъ и духовныхъ способностей.

Сообщая объ опытѣ, который мы сейчасъ опишемъ и который рѣшительнымъ образомъ устанавливаетъ наличность съ одной стороны активной силы, а съ другой пассивности, доведенныхъ до ихъ крайнихъ предѣловъ, мы, понятно, не будемъ говорить о той низшаго рода силѣ, которая дѣйствуетъ на матеріальную или органическую часть тѣла и вызываетъ привлеченіе, отталкиваніе, нечувствительность, катаlepsію, параличъ органовъ чувствъ и другіе феномены чисто физическаго характера. Мы займемся исключительно духовнымъ рапортомъ, устанавливающимъ между экспериментаторомъ и субъектомъ, т. е. тѣмъ, который является результатомъ сильной воли, направляющей дѣйствіе магнетическаго агента на другую волю, которую она покоряетъ и направляетъ, сообщая ей тѣ мысли и чув-

ства, которыя она захочетъ ей навязать, даже болѣе: которыя она дѣлаетъ личными мыслями и чувствами субъекта.

Первый опытъ.

На недавнемъ сеансѣ г. Дю-Поте предложилъ показать свою способность пробуждать или заставить родиться въ душѣ кого нибудь изъ присутствующихъ антипатію и озлобленіе противъ какого нибудь другого лица изъ числа собравшихся. Выбравъ двухъ лицъ, помѣщенныхъ другъ отъ друга на разстояніи метровъ двухъ, профессоръ сѣлъ посреди залы, устремивъ пристальный взглядъ на то изъ нихъ, которое должно было быть главнымъ дѣйствующимъ лицомъ этого опыта. Это былъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати, довольно слабого тѣлосложенія. Этотъ взглядъ оператора, взглядъ магнетическій, привлекаетъ и фиксируетъ взглядъ субъекта; мало-помалу его глаза оживляются, расширяются и начинаютъ очень сильно горѣть. Спустя нѣсколько минутъ, найдя, что молодой человѣкъ подчиненъ въ достаточной степени, г. Дю-Поте переводитъ свой взглядъ съ извѣстнымъ опредѣленнымъ намѣреніемъ на другое лицо. Тогда субъектъ начинаетъ переводить попеременно и быстро свой взглядъ то на профессора, то на другое лицо и по мѣрѣ того, какъ онъ мѣнялъ объектъ, его фізіономія все болѣе оживлялась, принимала угрожающее выраженіе, ноздри начали расширяться, губы, раньше плотно сжатая, приняли выраженіе презрѣнія и гнѣва; лицо и глаза сдѣлались такими, какими бываютъ при разлитіи желчи; однимъ словомъ, все свидѣтельствовало о внезапной вспышкѣ ярости.

Тогда профессоръ проситъ это второе лицо сдѣлать видъ, что оно хочетъ ударить его палкой. Тутъ субъектъ, дойдя до высшей степени гнѣва, хочетъ съ бѣшенствомъ броситься на своего соперника, т. е. на того, кто только

погрозилъ г. Дю-Поте, и хотя два человѣка, помѣстившіеся справа и слѣва его, употребляютъ всѣ свои силы, чтобы удержать его, схвативъ его за руки, онъ, тѣмъ не менѣе, бросается съ сильнѣйшею запальчивостью, съ самою бѣшеною страстностью... Онъ похожъ на дикаго звѣря, на свирѣпое животное, бросающееся на свою добычу. Гнѣвъ, ярость, пылъ борьбы, презрѣніе къ опасности не могутъ найти болѣе поразительнаго выраженія.

Операторъ не безъ нѣкотораго усилія отрѣшилъ этого молодого бѣснующагося отъ очарованія и привелъ его въ нормальное состояніе.

Этотъ опытъ былъ великолѣпенъ до мельчайшихъ подробностей. Какая чудесная сила дана человѣку! Мысль отказывается служить при созерцаніи подобныхъ феноменовъ, при которыхъ простѣйшія, лучше всего установленныя состоянія, способности, операціи души, свѣдѣнія о ней опрокидываются, отмѣняются... чѣмъ? одной волей какого нибудь человѣка, волей, направляющей таинственный агентъ, которымъ обладаетъ всякій и который, будучи подчиненъ этой волѣ, глубоко потрясаетъ физическую, интеллектуальную и духовную организаціи другого человѣка.

Второй опытъ.

«Въ слѣдующемъ опытѣ сцена имѣетъ совершенно другой характеръ; здѣсь все идетъ весело, никакія страсти не затрагиваются. Месмеро-магическое дѣйствіе направлено только на органы движенія; душа и чувства не обнаруживаютъ никакихъ воспріятій; жизнь, повидимому, вся сосредоточена въ органахъ двигательнаго аппарата. Но это вполне ложное впечатлѣніе; душа, какъ и въ только что описанномъ опытѣ, всецѣло подъ властью магнетизера. Разница лишь въ томъ, что теперь она побуждается только къ простымъ актамъ перемѣщенія и движенія; всѣ остальные способности оставлены въ состояніи покоя.

Молодой человекъ, очень чувствительный къ магнетическому вліянію, помѣщается, стоя, передъ операторомъ; спустя нѣсколько минутъ субъектъ съ помощью взгляда приведенъ въ состояніе подчиненности и, оставаясь съ открытыми глазами, начинаетъ выполнять всѣ движенія, производимыя профессоромъ: топать ногой, поднимать одну руку, затѣмъ другую, быстро и безошибочно, въ одно и то же мгновеніе съ операторомъ. Онъ принимаетъ позу боксера, быстро вертитъ руками, останавливается, потомъ снова начинаетъ то же движеніе; молодой человекъ мгновенно точнѣйшимъ образомъ воспроизводитъ тѣ же движенія. Говоря «мгновенно», мы выражаемся не вполне точно, потому, что это — мгновенность электрическаго тока, такъ что когда экспериментаторъ и субъектъ жестикулировали, то можно было подумать, что индукторомъ въ такой-же степени былъ и молодой человекъ, какъ и г. Дю-Потэ или даже, что они оба подчинялись какому то высшему агенту.

Въ извѣстный моментъ экспериментаторъ вытягиваетъ руки горизонтально и описываетъ на ходу кругъ; субъектъ тотчасъ же подражаетъ ему. Другой молодой человекъ, поднавъ подъ вліяніе излучающаго месмерическаго агента, наблюдалъ, подпрыгивая на стулѣ, ритмическое движеніе этого въ своемъ родѣ магическаго танца; затѣмъ, поднявшись съ своего мѣста, онъ помѣстился между двумя танцующими мимами и точнѣйшимъ образомъ выполнялъ, кружась все время, всѣ движенія тѣла, головы, рукъ и ногъ своихъ партнеровъ. Жесты этихъ трехъ господъ все время были тождественны и производились въ одно и то же мгновеніе; это былъ живой, равносторонній треугольникъ, три угла котораго дѣлали одни и тѣ же жесты. Эти полныя тождественность и одновременность были по истинѣ чудесны! Первую можно было бы сравнить съ калейдоскопомъ, воспроизводящимъ, благодаря двумъ зер-

каламъ, нѣсколько разъ одно изображеніе, а вторую съ электрическимъ телеграфомъ».

VIII.

Магическое опьяненіе.

Первый примѣръ.

Я беру человека, дышащаго здоровьемъ, въ цвѣтѣ лѣтъ, человека въ вполне бодрственномъ состояніи и, влагая ему въ руку трость, не мнѣ даже принадлежащую, говорю ему: «Ты сейчасъ будешь пьянъ; ты будешь имѣть видъ и будешь проявлять беспорядочность опьянѣвшаго». Субъектъ смѣется, смотритъ на меня, сомнѣвается, — не въ искренности моихъ словъ, а въ дѣйствительности моей власти. И тѣмъ не менѣе, едва проходитъ минута, какъ его охватываетъ трепеть: лицо измѣняется, глаза прикрываются, онъ начинаетъ пошатываться; онъ пытается итти и спотыкается, потому что ноги уже не держатъ его; его опьянѣлая фигура принимаетъ саркастическое выраженіе и безсвязныя рѣчи, то легкомысленныя и забавныя, то важныя, доказываютъ самимъ невѣрующимъ лицамъ, что психическій строй человека, претерпѣвая воздѣйствіе очарованія, подчиняется силѣ, пожелавшей подчинить плоть духу. Вскорѣ опьяненіе усиливается, появляется ярость, и размахивая палкой, еще минуту тому назадъ безобидный человекъ готовится къ дракѣ. Метаморфоза полная; никто не рѣшился бы толковать о симуляціи, потому что никто въ мірѣ не былъ бы достаточно ловокъ для того, чтобы обмануть въ такой степени зрѣніе, чтобы дать даже очень отдаленное подобіе этой поразительной картины.

Съ прекращеніемъ очарованія опьяненіе исчезаетъ и разсудокъ возвращается этому мозгу, помраченному... виномъ.

Второй примѣръ.

Для установленія этого новаго вліянія было-бы достаточно и одного примѣра; представимъ и другіе образцы его.

Пусть вотъ этотъ бѣлокурый молодой человѣкъ, котораго, повидимому, повеселила только что видѣнная имъ сцена, также почувствуетъ опьяненіе; пусть онъ будетъ для насъ вторымъ образцомъ этого униженія души, этого поношенія, которое древніе показывали юношеству съ цѣлью излечить его навсегда отъ наклонности къ пьянству и невоздержанности. Что намъ за дѣло до сомнѣній того, кого мы хотимъ подчинить и сдѣлать сумасшедшимъ. Дѣйствительно, вскорѣ у него появляется бредъ опьяненія: онъ плачетъ, смѣется, поетъ; поступь у него нетвердая; онъ хочетъ вынуть платокъ и не можетъ изловчиться вытащить его; онъ затягиваетъ застольную пѣсню, прислоняется спиной къ стѣнѣ и старается поднять уроненный имъ портфель. Его безсвязныя рѣчи, его беспорядочныя движенія свидѣлствуютъ о безобразномъ опьяненіи. Онъ приподнимается и опять падаетъ. Что ему до многочисленнаго общества, которое смотритъ на него? Онъ вполне равнодушенъ къ этому; вообще, это уже не тотъ молодой человѣкъ, который только что умѣлъ держать себя, относился ко всѣмъ съ уваженіемъ. Развѣ онъ не пьянъ? Человѣкъ въ подобномъ состояніи нисколько не заботится о другихъ. Вино не сильнѣе искажаетъ черты лица и не можетъ подчинить органы и мысль скрытому, содержащемуся въ немъ огню болѣе замѣтнымъ, болѣе очевиднымъ образомъ. Различіе характеровъ субъектовъ выступаетъ въ полномъ освѣщеніи. Субъектъ перваго опыта грустенъ и

угрюмъ; субъектъ второго остается веселымъ. Появившаяся у него икота даетъ мнѣ знать, что пора заставить разсудокъ вернуться. Этого довольно, пожалуй, даже слишкомъ много для собранія, совершенно не подготовленнаго къ феноменамъ, свидѣлствующимъ о силѣ, не знающей границъ. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, могло все уничтожиться въ человѣкѣ, какъ можно было сдѣлать до такой степени незнаемымъ для всѣхъ того, кто только что былъ подобенъ намъ? Ахъ, я чувствую, что перо мое слабо и тщетно ищу тѣхъ выраженій, безъ которыхъ нельзя рисовать и описывать подобныя сцены!

IX.

Магическая старость.

Первый примѣръ.

Попытаемся у субъекта, полнаго жизненности, вызвать дряхлость. Пусть этотъ живой, рѣзвый молодой человѣкъ превратится въ старика, пусть появится старость со своими неизгладимыми характерными чертами, чтобы нельзя было не видѣть, что мы имѣемъ дѣло именно съ ней. Требуется, чтобы года наложили свою печать на того, кто помѣщенъ природой лишь на четверти жизненнаго пути, требуется, чтобы безъ всякихъ промежуточныхъ ступеней онъ сдѣлался столѣтнимъ старцемъ.

Вотъ онъ. По моему приказанію его хребетъ горбится, руки дрожатъ; голосъ его слабъ, онъ потерялъ свой серебристый тембръ; лицо покрывается морщинами, глаза становятся тусклыми. Онъ опирается на трость, которую я ему далъ. Это уже не прежній сильный, молодой человѣкъ: годы наложили на него свою руку. Отъ цвѣтушей

поры его не осталось и слѣда; языкъ его — языкъ веселаго старика. Ротъ у него открытъ, на носу повисла капля. Онъ харкаетъ мокротой. Онъ несмѣшливо улыбается, нюхаетъ табакъ и прохаживается мелкими шажками. Это старикъ, человѣкъ, близкій къ могилѣ. Но что я говорю? Онъ считаетъ себя молодымъ; онъ бросаетъ злодѣйскій взглядъ на молодыхъ барышень, его глаза словно говорятъ: «Я еще могу». Глупый, бахвалящійся старикъ, я могъ-бы оставить тебя въ твоемъ безвредномъ безуміи. Вернись скорѣе къ своей веснѣ; то, что такъ забавляетъ зрителей, печалитъ мое сердце. Живое изображеніе заката жизни, ты вызываешь слишкомъ много мыслей и тѣ минуты, на которыя ты былъ преображенъ мною, молодой человѣкъ, тяготили меня, какъ преступленіе.

Былъ ли я единственнымъ свидѣтелемъ того, что я описываю? Нѣтъ, потому что болѣе трехсотъ лицъ могли-бы засвидѣтельствовать реальность описаннаго и сказать, что я въ своихъ описаніяхъ остаюсь значительно ниже того, что поражало ихъ зрѣніе. Но съ меня достаточно сказать одно: я это производилъ передъ всѣми, слѣдившими за моими опытами; пусть они обличаютъ меня во лжи; я подчиняюсь ихъ приговору, ибо если я говорю правду, то она возвѣщаетъ переворотъ въ человѣчествѣ. Если даже это — галлюцинація, то и тогда она поучительна и я считаю важнымъ записать ее, какъ образчикъ тѣхъ странныхъ явленій, которыя можетъ производить природа надъ лицомъ, не погруженнымъ въ сонъ.

Второй примѣръ.

Посмотримъ, будемъ ли мы въ состояніи измѣнить черты лица у этого ребенка, незнакомаго съ искусствомъ притворяться. Ему только двѣнадцать лѣтъ; пусть онъ подвергнется вліянію и претерпитъ превращеніе. Помѣщенный какъ его старшій предшественникъ посреди зала, онъ начинаетъ

горбиться: это карликъ Станислава, перешагнувшій за тридцать лѣтъ. Сейчасъ онъ начнетъ изнемогать подъ бременемъ лѣтъ... Слабое дитя, вернись къ жизни: часъ твой еще не пришелъ. Но ты, однако, уже испытало тяжесть преклонныхъ лѣтъ. Дай Богъ, чтобы ты достигло ихъ свободнымъ отъ пороковъ, разрушающихъ здоровье и чтобы твоя жизнь прекратилась въ минуту, назначенную самою природою.

X.

Смерть и воскрешеніе.

Жизнь является къ намъ ввидѣ болѣе или менѣе активнаго луча, увлекающаго съ собою основныя частицы того существа, которымъ онъ отброшенъ. Отдѣлившаяся съ этого момента, свободная и независимая, она управляетъ создаваемымъ ею владѣніемъ. Эта живая сила можетъ быть отдѣлена отъ тѣла многими способами. Прежде всего, порчею органовъ, затѣмъ болѣзнями, сильнымъ потрясеніемъ, чрезмерною радостью, внезапною скорбью, многочисленными ядами, отвращеніемъ къ противнымъ ей вещамъ и т. д. Жизнь, стало быть, можетъ вдругъ улетучиться, покинуть свою оболочку, но до сихъ поръ былъ неизвѣстенъ одинъ важный фактъ, который мы сейчасъ опишемъ во всей его истинѣ.

Съ помощью одного магическаго приема, отличающагося необыкновенной простотой и именно благодаря этому хорошо скрытаго отъ изслѣдователей, которые всегда думаютъ, что для проявленія своего могущества природа нуждается въ грандіозныхъ комбинаціяхъ, съ помощью нѣсколькихъ знаковъ и нѣсколькихъ чертъ я могу изолировать жизнь, сдѣлать такъ, что она уйдетъ изъ своего жилища — человѣческаго тѣла; я могу сдѣлать эту замѣчательную операцію

ощутительной для взоровъ всѣхъ и поразить ужасомъ незнакомыхъ съ возможностью возвращать вещи въ ихъ первоначальное состояніе. Приливъ и отливъ! Волна поднимается и опускается подъ вліяніемъ двойственной силы. Притяженіе, отталкиваніе, симпатія и антипатія,—какое значеніе можетъ имѣть тутъ объясненіе! Я, можетъ быть, и не очень хлопоталъ-бы о томъ, чтобы дать его.

Я черчу на паркетѣ углемъ слѣдующій магическій знакъ:

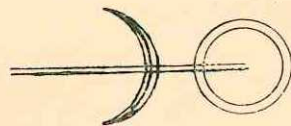

На этой фигурѣ я помѣщаю молодого человѣка, чувствующаго себя очень хорошо. полного сомнѣнія въ дѣйствительности опыта и находящагося въ безусловно бодрственномъ состояніи. Я приглашаю зрителей внимательно наблюдать то, что будетъ происходить и, чтобы ни случилось, не прерывать опыта. Двѣ минуты спустя лицо субъекта измѣняется; онъ испытываетъ, по его словамъ, стучаніе въ вискахъ, въ ушахъ его звонъ, въ глазахъ темнѣетъ, начинается головокруженіе. Ноги начинаютъ подгибаться; голова теряетъ вертикальное положеніе вслѣдствіе ослабленія поддерживающихъ ее мускуловъ. Еще одна минута и тѣло должно упасть, какъ инертная масса; каждый чувствуетъ это, даже видитъ по тому непередаваемому движенію въ тѣлѣ субъекта, которое замѣчается только въ концѣ — агоніи или при приближеніи обмиранія. Холодный потъ покрываетъ субъекта. Все кончено: онъ падаетъ. Его тѣло поддерживаютъ; въ немъ, повидимому, остается отъ жизни только одна теплота.

Отецъ этого несчастнаго, взволнованный и встревоженный, бросается къ нему; онъ слѣдилъ за всѣми стадіями этого интереснаго опыта и сердце его, побуждая его сомнѣнія, не даетъ ему ошибиться на счетъ его. Я—полный

господинъ надъ жизнью его сына; еще минута—и моя власть явится подражательницей природы въ ея ужасномъ дѣлѣ: она уничтожитъ этотъ лучъ жизни.

Быстро переменяя положеніе субъекта, мы помѣщаемъ его на другой знакъ, отличный отъ перваго.

Гдѣ жизнь—

Тамъ душа.

Мало-помалу онъ возвращается къ жизни и я отказываюсь описать симптомы этого воскрешенія. Отъ невѣрія молодого человѣка не осталось и слѣда. Онъ былъ обращенъ въ новую вѣру, какъ и отецъ его и всѣ присутствовавшіе.

Читатели, я не насмѣхаюсь надъ вашей довѣрчивостью: мое повѣствованіе только вѣрно, не больше, и увѣряю васъ, что лично я въ подобномъ случаѣ не довѣрилъ бы себя ничьимъ рукамъ, кромѣ другого самого себя.

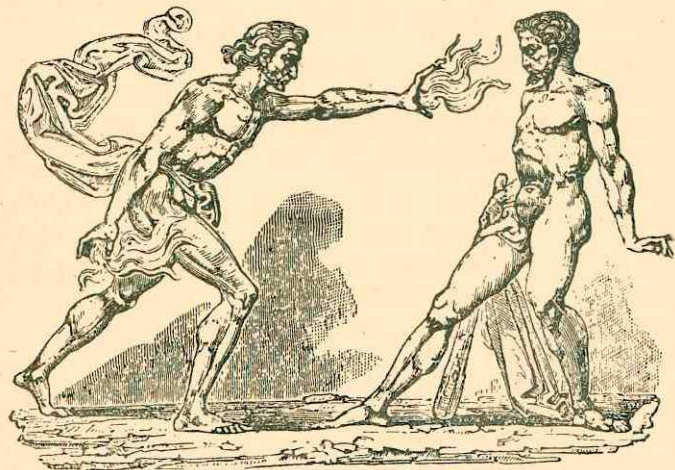
Чѣмъ дальше я подвигаюсь, тѣмъ больше открываю; но полный спокойствія, такъ какъ я не бросаюсь слѣпо, какъ безумецъ, въ неизслѣдованное мною мѣсто, я долго ошупываю, убѣждаюсь и *рискую только тогда, когда мнѣ нечѣмъ рисковать.*

Что же такое въ концѣ концовъ эта сила, одинъ изъ случаевъ приложенія которой я только что передалъ? Я думаю на свѣчу и тушу ее: этотъ фактъ объяснимъ. *Но я бросаю во вѣнь мысль*—и она стираетъ противоположныя ей мысли, несмотря на сопротивленіе существа, подобнаго мнѣ. Я властвую даже надъ его бытіемъ; я всецѣло поглощаю его; его жизнь—уже не его: она принадлежитъ мнѣ.

Бѣдные люди, я могъ бы смѣяться надъ вашимъ невѣжествомъ, а смѣетесь вы, смѣетесь надо мной и моей властью. Вы правы, потому что численный перевѣсъ на вашей сто-

ронъ, а въ наше время все рѣшается большинствомъ, цифрами. Отнынѣ онѣ будутъ управлять вашими судьбами. Вы скоро испытаете законъ случайности, законъ каприза судьбы. *Истинная наука* явится позже, какъ послѣднее средство. Ей будутъ принадлежать слова: «Это вѣрно, а то ложно; вотъ чему нужно вѣрить». Она будетъ опираться въ своемъ приговорѣ не на мнѣнія, а на факты. Истина станетъ царицей, потому что она—самъ разумъ.

П Р И Н Ц И П Ы.

Всякій магнетическій знакъ — знакъ магическій, потому что онъ содержитъ въ себѣ начало, могущее дѣйствовать на живыя существа.

Всякій магнетическій сонъ — сонъ магическій, но тѣ которые въ наше время вызываютъ это состояніе, совершенно не вѣдаютъ, съ чѣмъ они имѣютъ дѣло.

Слово магнетизмъ слѣдовало бы замѣнить словомъ магизмъ: оно было бы болѣе точно.

Всякое излѣченіе безъ помощи лекарствъ обязано своимъ происхожденіемъ жизненной силѣ, дѣйствующей на матерію. Это также называлось древними магіей.

Нахожденіе спрятанныхъ вещей во время сна или даже въ бодрственномъ состояніи, возбужденномъ магнетически, является результатомъ той же силы человѣческой души, дѣйствующей, получивъ импульсъ извнѣ.

Зрѣніе черезъ непрозрачныя тѣла и на большія разстоянія можетъ быть выполнено только при минутномъ разрывѣ интимнаго раппорта, существующаго между духомъ и матеріей; это — магическая операція.

То же нужно сказать и о нечувствительности, потому что магнетическая нечувствительность во всѣхъ отношеніяхъ отличается отъ всякой другой нечувствительности, вызванной съ помощью летучихъ или нелетучихъ матеріальныхъ агентовъ.

Передача мысли, столь извѣстная въ настоящее время, производится съ помощью магіи, ибо мысль по своей природѣ нематеріальна; порождаетъ ее и направляетъ душа.

Всѣ эти факты пока только простые, общіе результаты магіи; это двери, черезъ которыя нужно войти въ храмъ. Но эти двери хорошо заперты и открываются только для посвященныхъ, они же рѣдки. Я даже не знаю, существуютъ ли они еще, но убѣжденъ, что ихъ было много въ преднія времена.

Человѣческой глазъ не ограничивается только воспріятіемъ свѣта, приходящаго извнѣ; онъ въ свою очередь излучаетъ свѣтъ, но отличающійся отъ перваго, свѣтъ, проникающій иногда — и съ одного взгляда — въ глубину души того лица, на которое смотрятъ. Иногда даже когда два человѣка смотрятъ другъ на друга, два луча сталкиваются и результатомъ этого столкновенія является извѣстное ощущеніе.

Рука съ разставленными пальцами, направленная на чье нибудь лицо, покрываетъ его все свѣтомъ, какъ это сдѣлало бы зеркало, которое, получивъ свѣтъ отъ солнца, было-бы направлено на какую нибудь поверхность. Только свѣтъ солнца видимъ для глаза, а второй можетъ быть замѣченъ только по производимымъ имъ феноменамъ; не

слѣдуетъ въ силу этого смѣшивать его съ лучистой теплотой: здѣсь не можетъ быть никакого сближенія.

Мы укажемъ сейчасъ поразительные результаты дѣйствія силы, присущей человѣческому духу, силы, дѣйствующей тайно и проводящей основной элементъ этихъ феноменовъ чрезъ всѣ тѣла, не встрѣчая серьезныхъ препятствій. Эта сила, дѣйствуя самостоятельно, какъ природа, можетъ заложить въ тѣла зародышъ своихъ свойствъ и сказать имъ: «Вы разовьетесь только при извѣстныхъ условіяхъ; вы появитесь на свѣтъ только тогда-то». Какъ оплодотворяющая цвѣточная пыль содержитъ сама въ себѣ зародышъ будущаго цвѣтка, основныя частицы его, которыя должны въ извѣстное время появиться на свѣтъ изъ той оболочки, въ которую они скоро будутъ облечены, такъ точно и человѣческая мысль, болѣе утонченная, чѣмъ цвѣточная пыль, заложена не въ цвѣтокъ, — хотя это тоже возможно, — но въ металлъ, въ кремень, останется до времени, указаннаго волею, такъ сказать, заключенной въ нихъ и дастъ почувствовать свою силу и свои качества такъ, какъ это будетъ предписано ей заложившимъ ее человѣкомъ. Вотъ происхожденіе амулетовъ, освященныхъ вещей. Талисманы, античныя фигурки, друидическіе камни, алтари боговъ, наконецъ все, имѣющее мистическій характеръ, основано на этой въ наше время неизвѣстной тайнѣ. А современные мудрецы говорятъ: «это обманъ и было обманомъ, оскорбленіемъ Божества, религіознымъ шарлатанствомъ, плутовствомъ жрецовъ; народы всегда были большими дѣтьми, которыхъ легко обмануть» ..

Даже невѣжественный магнетизеръ знаетъ слѣдующее: онъ беретъ кусокъ матеріи, стеклянную пластинку, монету, — рѣшительно все равно, что именно, и говоритъ мысленно, касаясь предмета: «Я хочу, чтобы такая-то особа заснула

въ такомъ то часу, чтобы она испытала такіе-то эффекты... И этотъ предметъ, будучи врученъ ей, вызываетъ въ назначенный часъ требуемое явленіе. Я еще не рѣшаюсь говорить обо всемъ томъ, что не смотря на свой скептицизмъ я констатировалъ въ этомъ разрядѣ магическихъ явленій. О, мы далеко подвинулись, очень далеко, но мы еще не дошли и до половины пути.

Изъ числа многихъ креселъ магнетизируется одно; лицо, чувствительное въ магнетическомъ отношеніи, засыпаетъ только на томъ креслѣ, которое магнетизировалось. Кто сказалъ ему объ этомъ? Никто, потому что часто именно въ отсутствіе всѣхъ залагалась въ кресло мысль о снѣ.

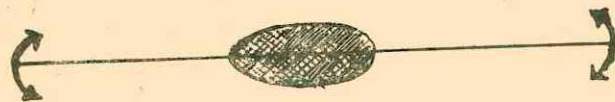
Я магнетизирую стаканъ съ водой, стоящій въ числѣ многихъ другихъ на подносѣ: онъ будетъ безошибочно указанъ. Серебряная монета, къ которой я прикасаюсь и которую потомъ помѣщаютъ среди значительнаго числа другихъ монетъ, тоже будетъ найдена. Не служатъ ли всѣ эти факты, число которыхъ я могъ бы увеличить до безконечности, очевиднымъ доказательствомъ существованія тайной силы въ предметахъ, которыхъ касался своею рукою жрецъ, жрецъ въ смыслѣ духа?

Вы, скептики, смѣтаетесь надъ благоговѣйнымъ обрядомъ древности, когда какой нибудь старецъ, чувствуя приближеніе смерти, призывалъ къ себѣ своихъ дѣтей, чтобы благословить ихъ въ послѣдній разъ. Вы не понимаете, что могло быть дѣйствительнаго въ этомъ послѣднемъ лучѣ жизни, въ этой послѣдней мысли, направленной на людей, потому что вы не знаете того, что душа послѣднимъ усиленіемъ можетъ сообщать извѣстную силу. Почему же всякій изъ васъ дорожитъ останками отца, матери, любимой женщины, вещами, оставленными ими и не можетъ равнодушно смотрѣть на нихъ, прикасаться къ нимъ? Воспоминаніе вызываетъ этотъ магическій эффектъ, скажете вы. Не торопитесь; принесите ихъ къ намагнетизированному

лицу: онъ скажетъ вамъ все о вашемъ отцѣ, о тѣхъ, кто питалъ къ вамъ данное чувство, потому что эти лица оставили въ этихъ вещахъ частицы ихъ самихъ. Да наконецъ, не заставляетъ ли всякаго изъ васъ тайный инстинктъ относиться съ уваженіемъ къ вещамъ, оставленнымъ мертвыми, какъ если бы онѣ содержали въ себѣ часть ихъ самихъ? Ахъ, сколько скрытыхъ слезъ было вызвано такимъ образомъ, сколько сердецъ было утѣшено!

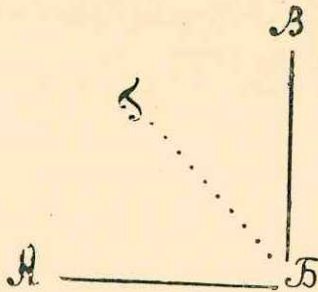
Перешагнемъ границы магнетизма и пойдемъ навстрѣчу неизвѣстному. Подобно подземной водѣ, пробивающейся на свѣтъ и позволяющей попадать въ нее различнымъ веществамъ, содержащимся въ послѣдовательныхъ слояхъ земли, мы заимствовали на время одѣяніе, которое пора сбросить. Свѣтъ истины, безъ сомнѣнія, озаритъ заблужденіе, эту въ своемъ родѣ ржавчину ума.

Когда я черчу мѣломъ или углемъ эту фигуру, огонь

или свѣтъ находится первоначально закрѣпленнымъ въ ней; этотъ огонь исходитъ изъ меня самого; онъ истекаетъ слѣдя чертежу, амальгамируясь съ тѣмъ веществомъ, которымъ я черчу и по которому провожу своими пальцами. Этотъ огонь сначала недѣятеленъ, но вскорѣ онъ начинаетъ привлекать приближающагося къ нему; онъ удерживаетъ его, очаровываетъ, усыпляетъ; напрасно онъ будетъ пытаться переступить этотъ кругъ, — онъ не сможетъ выйти изъ него. Всѣ его усилія будутъ тщетны: магическая сила повелѣваетъ ему остаться въ кругу и воля его, какъ и его органы, поработаются этою силою; онъ черезъ нѣсколько минутъ падаетъ, рыдая. Теперь ужъ не отъ меня исходятъ приказанія; я чуждъ тому, что происходитъ. Причина ихъ

уже не во мнѣ: она въ этой линіи, въ этомъ исполнѣ кабалистическомъ чертежѣ.

Напрасно вы будете прибѣгать къ силѣ: тотъ, кто очарованъ такимъ образомъ, скоро вырвется изъ вашихъ рукъ, онъ бросится на васъ, какъ бѣшенный и самъ вернется въ этотъ кругъ, удалится изъ котораго ему запрещено таинственной силой. Мы сотню разъ видѣли это явленіе до описанія его нами и тождественность его во всѣхъ случаяхъ не оставила нѣ насъ никакого сомнѣнія, потому что всякій, доставлявшій намъ новый примѣръ, былъ совершенно чуждъ ранѣе произведенныхъ опытовъ.—Что же происходитъ въ духовномъ мѣрѣ субъектовъ? Они охвачены глубокимъ ужасомъ, глаза у нихъ свирѣпые, лица искажены, языкъ упирается въ небо, тѣло покрыто потомъ. Что же они видятъ? Никто еще этого не знаетъ, такъ какъ ихъ иступленіе пока даетъ знать о себѣ только гортанными звуками. Но если ихъ оставить въ покоѣ, то они начинаютъ видѣть то, чего еще не видѣлъ человѣческій взоръ, дивный мѣръ, отличный отъ нашего; то мѣръ безплотныхъ духовъ; мѣръ грезъ, скажутъ, пожалуй. На это мы отвѣтимъ, что въ этомъ мы вовсе не увѣрены.

Скоро субъектъ снова начинаетъ задыхаться, будто онъ вдыхаетъ воздухъ, мало пригодный для его груди, словно душа его собирается улетѣть: это тотъ моментъ, когда надо

стереть волшебный кругъ, чтобы дать жизни возможно скорѣе необходимую свободу. Не думайте, однако, что все тотчасъ же и исчезнетъ; остается смутное воспоминаніе, остаются бѣглыя черты видѣннаго, еще наполняющія субъекта страхомъ.

Иногда, но очень рѣдко, видѣнія бываютъ пріятнаго и спокойнаго характера; они даютъ знать о себѣ взрывами смѣха, но смѣха страннаго: кажется, будто этотъ смѣхъ употребляетъ для своего проявленія какіе то новые мускулы. Обыденная жизнь не знаетъ ничего подобнаго; обыкновенный бредъ такъ же непохожъ на этотъ, какъ ночь на день; это нѣчто странное, ни съ чѣмъ не сравнимое, о чемъ невозможно составить себѣ представленія.

Если я черчу прямую линію, то тотъ же огонь, то же

начало запечатлѣвается и въ ней; субъектъ, помѣщенный въ исходной точкѣ линіи, чувствуетъ жаръ въ ногахъ, онъ полонъ душевной тревоги; онъ подвигается по линіи, задыхаясь, внѣ себя, влекомый къ другой ея оконечности.

Если на концѣ этой линіи начертить слѣдующую фигуру, то онъ останавливается, не будучи въ состояніи перешагнуть черезъ этотъ знакъ и падаетъ въ изнеможеніи. Тогда вы должны стереть мѣлъ или уголь, уничтожить чертежъ до послѣдняго штриха, если не хотите быть свидѣтелемъ драмы.

Если вмѣсто прямой линіи вы начертите извилистую, то субъектъ будетъ идти по изгибамъ чертежа, не пропуская ни одного изъ нихъ: феномены будутъ тѣ же самыя.

Если, начертивъ прямую, вы заставите субъекта остаться въ ея исходной точкѣ, то черезъ нѣсколько минутъ его жизнь какъ будто перейдетъ въ линію и останется въ ней во всей ея силѣ; онъ скоро теряетъ сознаніе, онъ словно мертвъ, пульсъ перестаетъ биться; тогда нужно, не теряя

времени, перенести его на другую оконечность линіи и помѣстить его на ней стоя. Жизнь снова возвращается къ нему. Онъ чувствовалъ — таково показаніе всѣхъ, подвергавшихся этому опыту — какъ-бы приближеніе смерти: въ ушахъ у него начинался звонъ, появлялось головокруженіе; холодный потъ покрывалъ все его тѣло.

Призови на помощь къ себѣ то, на что ссылается въ своемъ невѣжествѣ наука, — воображеніе. Но что такое это воображеніе, имѣющее такое могущество? И если это производится имъ, то почему не заняться воображеніемъ? Въдѣ въ такомъ случаѣ оно сильнѣе жизни; тогда оно всѣмъ управляетъ; точно также оно, не правда-ли, даетъ мнѣ возможность вліять на усыпленного человѣка, на спящихъ животныхъ? Нѣтъ. Какъ электрическій токъ, пробѣгая по проволокѣ, вызываетъ сотрясеніе въ тѣлѣ того, кто становится на пути ему, причемъ воображеніе не играетъ никакой роли, такъ точно и этотъ неизвѣстный агентъ, носящій имя магнетизма, имѣетъ свои законы... Ищи ихъ, любящій истину, но не отрицай, потому что подобное отрицаніе было-бы доказательствомъ крайней тупости.

Что дѣлалъ я, чертя кругъ или линію? Я провелъ ихъ съ помощью мертвой субстанции и въ тоже время я оживилъ эту субстанцію лучами жизни, какъ оживляетъ теплота обыкновеннаго огня. Ничто, повидимому, не измѣнилось; между тѣмъ, эта субстанція приобрѣла замѣчательное свойство. Вспомните о магнетизированныхъ предметахъ, которые сами по себѣ не имѣютъ никакой силы; въ минуту они приобретаютъ чудесныя свойства. Дѣло въ томъ, что въ послѣднемъ случѣ ваша душа принимала участіе въ вашихъ актахъ, а вы не обратили на это никакого вниманія.

Увеличьте очагъ этого несравненнаго свѣта; распрос-
страните лучи его на еще большую поверхность, увеличьте
продолжительность дѣйствія его, какъ вы сдѣлали-бы это,
имѣя дѣло съ электричествомъ, когда лейденская банка
заряжается съ помощью электрической машины. Вы сами
ничего не увидите, ваша работа будетъ работой наавось,
но это не важно; важно только попытаться. Не разсчиты-
вайте, однако, на успѣхъ, если ваша душа будетъ такъ же
холодна, какъ и руки: тогда вы меня не поняли. Всему
должна предшествовать операція въ вашемъ личномъ
душевноиъ мѣрѣ. Въ колоколъ не бьютъ — онъ молчитъ,
ничто въ немъ не вибрируетъ; какъ будешь жать губку,
столько и воды получишь изъ ея впадинъ. Разберите, что
происходитъ при сдержанномъ гнѣвѣ, когда человѣкъ,
готовый вспыхнуть и прийти въ ярость, иногда ни однимъ
мускуломъ не выдаетъ своего состоянія: онъ горитъ, чув-
ствуетъ ознобъ, дрожитъ; органы его дѣйствуютъ беспорядочно, — силы приливаютъ къ поверхности тѣла, — между
тѣмъ какъ сердце, какъ барабанщикъ, бьетъ съ удвоенной
силой атаку. Вотъ въ эту-то минуту все готово и кратеръ
уже поднимаетъ кору человѣческой земли, какъ-бы собираясь
сейчасъ излить свою лаву и выбросить тучи сѣрныхъ
паровъ. Ну, такъ для того, чтобы имѣть успѣхъ
выше своихъ желаній, — нужно чтобы въ васъ вспыхнулъ
и горѣлъ огонь, невидимый другимъ, и чтобы, какъ при
одномъ изъ существенныхъ актовъ воспроизведенія, именно
изъ вашего мозга, а не другого какого нибудь органа,
истекалъ агентъ, играющій роль проводника.

Итакъ, вы чертите очень мягкимъ углемъ дискъ отъ
семи до восьми сантиметровъ въ діаметрѣ. Будетъ-ли онъ
вычерченъ неровно или вполнѣ правильно, — это не важно,
но пусть онъ будетъ хорошо вычерченъ. Помните, что при
черченіи его ваши пальцы не должны дѣйствовать только
механически: все время изъ нихъ долженъ истекать огонь;

вы не должны быть разсѣяны. Трехъ минутъ достаточно для этой первой операціи.

Въ приготовленномъ такимъ образомъ зеркалѣ еще ничего не видно, но заложенная въ него сила обнаруживается внезапно. Эта сила не подняла-бы и соломенку, и въ то же время она *свалитъ, скрутитъ* человѣка; она будетъ играть имъ, какъ вѣтеръ играетъ развѣвающимся флагомъ — и онъ не будетъ въ состояніи вырваться изъ удерживающихъ его узъ. И, приходя въ иступленіе и бѣшенство, онъ, прежде чѣмъ потерять сознаніе, ударяетъ ногой въ волшебный дискъ.

Послѣ этихъ операцій я чувствую, что что-то отошло отъ меня; я чувствую ослабленіе, неимѣющее ничего общаго съ тою слабостью, которая можетъ быть вызвана другими жизненными актами.

Прежде всего — отрѣшися отъ смѣха, столь присущаго невѣжеству, и отъ человѣческой глупости; отложи въ сторону свои предрасудки, каковы-бы они ни были, потому что предрасудки — спутники слабости; они затемняютъ мышленіе и препятствуютъ сосредоточенію мыслей. Будь твердъ и рѣшителенъ; тебѣ сейчасъ понадобятся все твое мужество и благоразумная твердость.

Удали, какъ могущихъ смущать тебя, лицъ, доступныхъ страху, и тѣхъ, которыя мало расположены дожидаться конца опыта, начинающагося криками и мрачною безнадежностью; оставь только самыхъ рѣшительныхъ, сообщи имъ свой планъ и цѣль, которую ты хочешь достигнуть. Возьми затѣмъ трехъ или четырехъ лицъ, мужчинъ или женщинъ, если можно, молодыхъ. Не думай, впрочемъ, что старый человѣкъ не можетъ подчиниться очарованію; но въ этомъ случаѣ нужно бояться сильныхъ потрясеній, которыхъ его тѣло, можетъ быть, и не вынесло-бы. Нѣтъ

надобности, чтобы эти лица вѣрили въ магнетизмъ или въ магію; ихъ невѣжество въ этомъ отношеніи предпочтительнѣе.

Выбери мѣсто достаточно просторное для того, чтобы всѣ движенія тѣла, быстрыя перемѣненія, какъ, напримеръ, при стремительномъ бѣгствѣ, могли совершаться, не встрѣчая препятствій. Дорога, какое нибудь загородное мѣсто предпочтительнѣе комнаты. Я много разъ производилъ опыты за городомъ и при полномъ солнечномъ освѣщеніи: они вполне удавались.

Начерти кругъ четырехъ или пяти футовъ въ діаметрѣ; окружность его не должна имѣть разрывовъ; она должна быть вычерчена въ одинъ приѣмъ медленно и обдуманно, чтобы дать время нервной силѣ истечь изъ твоихъ органовъ, ибо первую связью должна служить она.

Сдѣлавъ это, начерти такимъ же образомъ, въ центрѣ большого круга, другой маленькій кругъ величиною съ тарелку; возьми въ руку землю или истолченный уголь или даже мѣлъ — это безразлично; я, впрочемъ, предпочитаю вещества темнаго цвѣта. Подержи это, приведенное въ мелкій порошокъ, вещество нѣсколько минутъ въ рукѣ и сообщи всему своему существу родъ дрожи, которую можно сравнить только съ той дрожью, которая замѣчается, не будучи понята нами, у животнаго въ то время, когда оно пытается освободиться отъ избытка электричества. Затѣмъ помѣсти эту пыль въ центрѣ маленькаго круга; нѣсколько минутъ дѣлай надъ нимъ рукой пассы на разстояніи нѣсколькихъ линій отъ него; распредѣли пальцами эту пыль по всему маленькому кругу и выровнай ими ея поверхность.

Послѣ этого отойди отъ этого круга и вели лицу, желающему подвергнуться опыту, переступить его, не задѣвая окружности. Предложи субъекту пристально смотрѣть на маленькій кругъ и самъ смотри на него, не упуская изъ виду субъекта. Будь на сторожѣ при малѣйшей испы-

танной имъ нервной дрожи, чтобы быть готовымъ поддержать его, ободрить и успокоить, предоставляя ему полную свободу движеній; ты долженъ только помогать имъ. Прислушивайся тогда къ тому, что онъ говоритъ, запоминай его слова, даже задавай ему вопросы; но если онъ упадетъ, что почти всегда случается, то разорви ногой или рукой оба круга, если не хочешь увидѣть смерть слишкомъ близко.

Для начала опыта достаточно отъ трехъ до пяти минутъ; тогда начинаютъ замѣчаться предвѣстники кризиса; у меня нѣтъ другого выраженія для обозначенія состоянія субъекта. Если первое лицо, подвергнутое этому опыту, ничего не испытываетъ, возьми тотчасъ другое. Если операція проведена тобой хорошо, то этого будетъ достаточно для того, чтобы получить реальный и живой образецъ истинной магии.

Невозможно передать душевныя движенія субъекта, рассказъ о томъ, что происходитъ при этомъ опытѣ, потребовалъ-бы новыхъ словъ, да даже будь такія слова въ нашемъ распоряженіи, они не были-бы поняты.

Во время видѣній, когда мы помѣщаемъ человѣка у входа въ невидимый міръ, его тѣло подобно арфѣ, выставленной на вѣтеръ, заставляющей вибрировать ея струны. Но въ этомъ случаѣ вмѣсто воздушныхъ волнъ душевныхъ струнъ касаются окружающіе духи. Эти струны вибрируютъ беззвучно; душа внимааетъ имъ; она понимаетъ, улавливаетъ, чувствуетъ эту вибрацію. Но когда для передачи своихъ воспріятій ей приходится обратиться къ помощи органовъ, то не всегда оказывается возможнымъ воспользоваться этимъ чуднымъ механизмомъ — и отсюда наши ошибки. Въ магии совершенно другое дѣло; чувства могутъ сохранять свою активность, иногда даже она увеличивается. То, что появляется тогда, часто облечено въ формы; не только субъектъ можетъ видѣть присущимъ

всѣмъ образомъ то, что явилось, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже всѣ зрители. Это — высшее выраженіе магической операціи и самое вѣское доказательство, какое только можетъ быть дано, существованія магии.

Я сказалъ, что являющіеся существа даютъ себя видѣть не во плоти и не въ образахъ; это ни то ни другое; это пока нѣчто, недоступное выраженію. Представьте себѣ двойниковъ, отпечатки людей уже неживущихъ, формы неосязаемыя, неуловимыя и, тѣмъ не менѣе, вполне реальныя; представьте себѣ, что наши тѣни отдѣляются отъ насъ и начинаютъ жить самостоятельной жизнью, движутся, будто дыханіе жизни одушевляетъ ихъ, будто они озарены отблескомъ души, — и вы будете близки къ истинѣ. Можно ощущать то (что именно — я не знаю), что является по таинственному призыву, вызванное силой чаръ, и что затѣмъ исчезаетъ.

Нѣтъ нужды говорить о невозможности наблюдать эти удивительныя явленія при сильномъ свѣтѣ. Насколько онъ необходимъ при вызовѣ чисто физическихъ явленій магнетизма и даже при магическихъ опытахъ съ зеркаломъ и линіями, настолько же вреденъ въ этомъ случаѣ, уничтожая то, что какъ будто соткано изъ пара, что можетъ быть видимо только при полусвѣтѣ. Тѣмъ не менѣе, нѣжный и спокойный свѣтъ позволяетъ различать то, что представляется взорамъ, и не можетъ уничтожить тѣнь, отбрасываемую этимъ призракомъ, словно онъ не чуждъ извѣстной плотности. Однако, ее совершенно нѣтъ у него.

Если ты хочешь попытаться вызвать магическія явленія, то не выбирай для этого одну изъ тѣхъ минутъ, когда душа чѣмъ нибудь занята, когда духъ ни къ чему не

чувствуетъ себя способнымъ, когда лѣнность, результатъ плотнаго обѣда и хорошей вышивки погружаетъ тѣло въ состояніе полуютупѣнія; не выбирай, тѣмъ болѣе, такой минуты, когда твой мозгъ, занятый дѣлами, будетъ всецѣло поглощенъ ими.

Необходимо *чувствовать все свое существо живымъ* и полнымъ огня; необходимо, чтобы *свободная* мысль ясно видѣла тѣ предметы, на которыхъ она останавливается, чтобы, наконецъ, всѣ чувства были вполне бодры. Необходимо хотя-бы втеченіи одной минуты сильное одушевленіе; нѣчто вродѣ эрекціи, неимѣющей въ себѣ ничего эротическаго, должно дать возможность вызвать истеченіе изъ мозга магическаго агента; нужно, чтобы твоя рука перенесла эту оживленную субстанцію на избранную для опыта поверхность, ибо она должна тотчасъ установить духовный раппортъ, обнаружить присущія ей способности привлечь.

Эта операція можетъ быть выполнена при полномъ невѣденіи о ней окружающихъ тебя. И это дитя твоихъ рукъ, никѣмъ еще не видимое, дастъ почувствовать свою силу, какъ дитя Геркулесъ далъ почувствовать свою. Оно обладаетъ крылатою обувью Меркурія; неуловимое, оно можетъ бѣжать, если его не удержитъ начерченный съ определеннымъ намѣреніемъ кругъ; оно можетъ направить свою силу противъ самого тебя, уничтожить твою собственную силу, сдѣлать тебя своей игрушкой и наконецъ ускользнуть, какъ душа изъ груди умирающаго, не указывая того пути, какимъ оно уйдетъ.

Иногда этотъ духъ можно заключить въ кристаллъ и держать его въ немъ. Онъ будетъ производить отсюда видѣнія и, какъ гонецъ, розыскивать живыя или мертвыя существа, которыя вы пожелаете увидѣть, принуждая ихъ появиться передъ вами.

Магнетизеры и не подозреваютъ, что въ своихъ общедоступныхъ операціяхъ они производятъ часть этихъ явленій; они не прозрѣваютъ секретнаго механизма, помогающаго ихъ желаніямъ и дѣлающаго ихъ небезплодными, равно какъ и всего того, что происходитъ въ тѣлѣ сомнамбула, внѣ его и внѣ его магнетизера. Они думаютъ магнетизируя, что выполняютъ простую и естественную операцію, нѣчто чисто физическое. Пусть болѣе способные изъ нихъ изучатъ дѣло основательнѣе; быть можетъ, они поймутъ, что тутъ форма скрываетъ сущность, что у нихъ въ рукахъ ключъ, который можетъ открыть всѣ замки, запирающіе тѣ лабораторіи, въ которыхъ работаетъ природа. Высказать истину яснѣе, сдѣлать ее болѣе осязательной, разоблечь тайну иначе и въ другихъ выраженіяхъ мнѣ кажется невозможнымъ. Пусть читатель вполне проникнется принципами, скрытыми подъ легкою дымкою во всемъ предшествовавшемъ изложеніи — и тогда явится успѣхъ, я нисколько не сомнѣваюсь въ этомъ.